

ПОМЕТКИ В. И. ЛЕНИНА НА КНИГЕ Ю. М. СТЕКЛОВА «Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» (1909)

Ниже публикуются пометки В. И. Ленина на книге Ю. М. Стеклова «Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность (1828—1889)». СПб., 1909, хранящейся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2595).

Пометки и замечания В. И. Ленина представляют собой автограф черным, красным и синим карандашами.

Пометки были сделаны Лениным не ранее октября 1909 г. и не позднее апреля 1911 г. Они свидетельствуют о большом интересе Ленина к вопросам развития русской общественной мысли, к жизни и деятельности великого русского революционера и мыслителя Чернышевского. Эти замечания неразрывно связаны с произведениями Ленина, в которых рассматриваются освободительное движение в России, взгляды и деятельность Чернышевского.

Многочисленные ленинские пометки на книге Стеклова относятся к философским, экономическим и политическим взглядам Чернышевского, к его художественным произведениям, а также к общественному движению в 60-е годы XIX века.

В своих пометках и замечаниях Ленин отмечает как сильные, так и слабые стороны мировоззрения Чернышевского, подчеркивает его революционный демократизм, вскрывает утопический характер социалистических идей Чернышевского. Особенное внимание Ленин обращает на практическую революционную деятельность Чернышевского, на его борьбу против самодержавно-крепостнического строя, против либерализма, за крестьянскую революцию в России.

Публикуемые пометки Ленина дают новый, богатейший материал для изучения и освещения передовой русской общественной мысли, для правильного понимания исторического значения деятельности Чернышевского.

* * *

Публикация подготовлена В. Я. Зевиным и А. Г. Хоменко при участии М. В. Стешовой.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Ю. М. СТЕКЛОВ. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ,
ЕГО ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (1828—1889),
СПб., 1909

Г л а в а I

МОЛОДОСТЬ ЧЕРНЫШЕВСКОГО.— УНИВЕРСИТЕТ.—
ЖЕНИТЬБА

⟨11⟩* ...Как мы увидим дальше, Чернышевский своеобразно переработал и претворил положения утопического социализма. Пытаясь объединить их с выводами гегельянской философии, с материалистическим мировоззрением и с критикой существующих экономических отношений, Чернышевский самостоятельно стал на путь, приближавший его к выработке системы научного социализма. Но создать такую цельную систему ему не удалось. С одной стороны, этому помешал насильственный перерыв в его литературной деятельности, вызванный его арестом и ссылкой; с другой стороны, неразвитость общественных отношений в тогдашней России лежала на нем тяжелым балластом и не давала ему возможности развить до логического конца свои взгляды. Карл Маркс, который за три года до Чернышевского приступил к изучению социальных систем (1843 г.), жил в другой обстановке и сумел сделать то, чего не суждено было сделать Чернышевскому. По силе же своего ума и по разносторонности знаний «великий русский ученый и критик», как назвал его Маркс, вряд ли уступал основателю научного социализма...

Г л а в а II

ОБЩИЙ ОЧЕРК ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЧЕРНЫШЕВСКОГО

⟨29⟩ ...Гоголь, напротив, принадлежит к числу тех писателей, любовь к которым требует одинакового с ними настроения души, потому что их деятельность есть «служение определенному направлению нравственных стремлений». Если у таких писателей, говорит Чернышевский, есть враги, то есть и многочисленные друзья; и ⟨30⟩ никогда незлобивый поэт не может иметь таких страстных почитателей, как тот, кто, подобно Гоголю, питая грудь ненавистью ко всему низкому, пошлому и пагубному, враждебным словом отрицания против всего гнусного проповедует любовь к добру и к правде. «Кто гладит по шерсти всех и всё, тот кроме себя не любит никого и ничего; кем довольны все, тот не делает ничего доброго, потому что добро невозможно без оскорбления зла. Кого никто не ненавидит, тому никто ничем не обязан»...

⟨31⟩ ...Близилась отмена крепостного права, и крестьянский вопрос был поставлен на очередь дня. Интересы высших классов защищались правительством, дворянскими организациями и боль-

*bien dit!***

* В ломаных скобках указаны страницы книги.— *Ред.*

** хорошо сказано! (франц.).

шинством литературы; только интересы крестьянских масс не находили искренних и бескорыстных защитников. И вот Чернышевский, очертя голову, ринулся в бой как с открытыми и лицемерными защитниками интересов крепостников, так и с представителями нарождающихся буржуазных тенденций. В «Современнике» за 1857—59 гг. появился ряд блестящих <32> статей и исследований Чернышевского, в которых со смелостью, необычной для того времени, отстаивались интересы трудящихся масс и разоблачались лицемерие и злая воля господствующих классов...

?

< NB

...Так как с отменой крепостного права русское общество из феодально-крепостнического превращалось в буржуазное, то Чернышевский поставил себе задачей дискредитировать в глазах передовых элементов самые основы буржуазного строя и вместе с тем показать, что против этого строя, осужденного лучшими умами на Западе, давно уже ведется борьба, направленная к полному его уничтожению и к замене его новым общественным устройством, основанным на началах человеческой солидарности. С этой целью Чернышевский написал ряд блестящих статей, из которых укажем статьи «Экономическая деятельность и законодательство», «Капитал и труд», «Июльская монархия», «Кавеньяк» и пр. В этих же статьях и в целом ряде других Чернышевский старался разоблачить буржуазный либерализм и показать, что он неспособен даже довести до конца свою собственную борьбу с абсолютизмом и пережитками феодального строя и что он по существу является представителем <33> интересов крупных собственников, будучи принципиально враждебен интересам трудящихся демократических масс...

|| NB

...Чтобы подвести фундамент под мировоззрение складывающейся юной русской демократии, Чернышевский воспользовался <34> появлением брошюры Лаврова «Очерки вопросов практической философии» и написал свою блестящую статью «Антропологический принцип в философии», в которой излагал основные положения фейербаховского материализма и подвергал безжалостной критике идеалистическое мировоззрение...

< NB

...Можно сказать без преувеличения, что не было ни одного крупного политического вопроса, интересовавшего русское общество, на который Чернышевский <35> не спешил бы откликнуться своим разумным и авторитетным словом. Он писал о демократии и централизации, об отношениях между русскими и поляками в Галиции, между поляками и малороссами, об университетском вопросе (по поводу студенческих беспорядков 1861 г.), о либерализме и демократизме, о попытках преобразования русского государственного строя, полемизировал с реакционерами и либералами, славянофилами и Герценом и т. д., и т. д. Мощный ум его все время горел ярким светом, освещая пути грядущим поколениям. Он критиковал и наставлял, бранил и советовал, не падая своих сих, гордо и сознательно идя навстречу своей неизбежной гибели. Прометей русской революции, как удачно называет его Русанов¹, не жалел себя, отстаивая счастье родного народа и расчищая дорогу для грядущих борцов...

|| не совсем!

¹ Н. Русанов — Социалисты Запада и России, СПб., 1908, стр. 286.

NB ||

⟨37⟩ ...Реакционеры, враждебные эмансипации женщины, как и раскрепощению личности вообще, инсинуировали, будто Чернышевский в «Что делать?» проповедует так наз. «свободную любовь»¹. Разумеется, это клевета или органическая неспособность понять психологию новых свободных людей...

NB ||| ⟨38⟩ ...Мы знаем, что Чернышевский некогда мечтал об ученой карьере. Но скоро он убедился, что будет гораздо полезнее русскому народу на другом поприще. Этот демократ по убеждению и боец по темпераменту не мог удалиться на холодные вершины академической науки в то время, когда кругом закипала жизнь и чувствовалась необходимость осветить широким слоям русского общества смысл совершавшихся вокруг них и подготавливавшихся событий...

⟨41⟩ ...Лессинг и симпатичен Чернышевскому как великий просветитель немецкого общества в эпоху перелома, мощно пролагавший пути грядущему. Для Лессинга Чернышевский готов даже сделать исключение из устанавливаемого им общего социологического закона, говорящего о второстепенной и подчиненной роли литературы. «Пусть политика и промышленность шумно движутся на первом плане в истории, история все-таки свидетельствует, что знания — основная сила, которой подчинены и политика, и промышленность, и все остальное в человеческой жизни». Несколькоими строками ниже Чернышевский, впрочем, ограничивает свое положение. Он указывает, что «несмотря на все пристрастие греков к поэзии, ход их жизни обуславливался не литературными влияниями, а религиозными, племенными и военными стремлениями, впоследствии, кроме того, политическими и экономическими вопросами. Литература была, подобно искусству, лучшим украшением, но только украшением, а не основной пружиной, не главной двигательницей их жизни. Римская жизнь развивалась военной и политической борьбой и определением юридических отношений; литература была для римлян только благородным отдыхом от политической деятельности. В блестящий век Италии, когда она имела Данте, Ариосто и Тассо, также не литература была основным началом жизни, а борьба политических партий и экономические отношения: эти интересы, а не влияние Данте, решали судьбу его родины и при нем, и после него. В Англии, гордящейся величайшим поэтом христианского мира и таким числом первостепенных писателей, какого не найдется, быть может, в литературах всей остальной Европы вместе взятых, — в Англии от ⟨42⟩ литературы никогда не зависела судьба нации, определявшаяся религиозными, политическими и экономическими отношениями, парламентскими прениями и газетной полемикой: собственно так называемая литература всегда имела второстепенное влияние на историческое развитие этой

¹ См., например, гнусную брошюру проф. одесского университета П. П. Цитовича, вышедшую в 1879 г. под заглавием «Что делали в романе „Что делать?“». — Серия клеветнических брошюр этого пасквилянта, направленных против «нигилизма», обратила на него внимание правительства, которое в 1880 г. дало ему субсидию на издание антиреволюционной газеты «Берег». Этот прототип «России» и «Русского знамени» никакого успеха не имел, а издание скоро закончилось плачевным фиаско и, кажется, растратой. — Выдержки из этой брошюры, к сожалению, очень неполные, см. в книге *Н. Де-Нисюка — «Критическая литература о произведениях Н. Г. Чернышевского»*. Москва, 1908 г.

КНИГА Ю. М. СТЕКЛОВА
«Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ, ЕГО
ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»,
СПб., 1909. ЭКЗЕМПЛЯР
С ПОМЕТКАМИ В. И. ЛЕНИНА

Ю. М. Стекловъ.

Титульный лист

Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС, Москва

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

(1828—1889).



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Волынка Подъёмская, № 30,
1909.

страны. Таково же было положение литературы почти всегда, почти у всех исторических народов»¹.

Но для Лессинга Чернышевский готов сделать исключение из этого общего правила. Правда, говорит он, таких исключений, когда литература является главной двигательницей исторического развития, очень немного, и эпоха Лессинга как раз является одним из таких исключений. От начала деятельности Лессинга до смерти Шиллера, в течение 50 лет, развитие одной из величайших европейских наций, будущность стран от Балтийского до Средиземного моря, от Рейна до Одера, определялась литературным движением. Почти все другие социальные факторы не благоприятствовали развитию немецкого народа. Одна литература вела его вперед, борясь с бесчисленными препятствиями.

Здесь в Чернышевском заговорил просветитель, здесь уверенность в могуществе разума и силе знания взяла в нем перевес над его материалистическими взглядами в социологии. Типичный просветитель Лессинг был особенно дорог Чернышевскому еще и потому, что он напоминал ему во многих отношениях Белинского, а эпоха Лессинга напоминала ему 40-ые и 50-ые годы русской истории. В том и другом случае это был «период бури и

¹ Сочинения, т. III, 586 и сл.

натиска», и вполне извинительно увлечение просветителя другими просветителями¹.

NB ||| <45> ... Чтобы составить себе понятие о миросозерцании Чернышевского, приходится (быть может, несколько искусственно) соединять отдельные его суждения и мысли, высказанные по различным поводам в разрозненных статьях и заметках и потому иногда противоречащие друг другу или недодуманные до логического конца. И тем не менее внимательное изучение полного собрания сочинений Чернышевского приводит нас к глубокому убеждению, что он обладал довольно цельным материалистическим мировоззрением, которое старался проводить при обсуждении всех вопросов, как теоретических, так и практических...

Глава III

ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ЧЕРНЫШЕВСКОГО. — МОРАЛЬ РАЗУМНОГО ЭГОИЗМА

Ср. Engels Feuerbach versus ЭЭ* <47> ... На Западе эволюция левого гегельянства привела к Фейербаху, который заложил основу материалистической философии. «Тем, — говорит Чернышевский, — завершилось развитие немецкой философии, которая теперь в первый <48> раз достигла положительных решений, сбросила свою прежнюю схоластическую форму метафизической трансцендентальности и, признав тождество своих результатов с учением естественных наук, слилась с общей теорией естествоведения и антропологией»².

не точно NB ср. Feuerbach** <49> ... Основным вопросом философии является вопрос об отношении между мышлением и бытием. Идеализм признает ||примат|| духа над природой, материализм утверждает примат природы или материи. В этом отношении Фейербах шел навстречу материализму, отвергая идеализм <50> Гегеля с его абсолютной идеей³. По его словам, «истинное отношение мышления к бытию

? ¹ В этом отношении Чернышевский иногда доходит до преувеличений, не свойственных его обычному строгому реализму. Так, противодействие чиновников народной трезвости он объясняет тем, что «они дурно воспитаны и слишком мало учились» (Соч., IV, 396). Но такие утверждения встречаются у него редко.

² Очерки гогол. периода. Соч., II, 162.

³ Попытка Ланге доказать, что Фейербах не был материалистом («История материализма», СПб., 1899, т. 2, стр. 394 и сл.), не выдерживает критики. См. Плеханов — Основные вопросы марксизма, СПб., 1908, стр. 7 и сл.; его же — За двадцать лет, изд. 3, СПб., 1909, стр. 271 и сл.

* Энгельс

Фейербах

по отношению к

общему итогу (нем.) <Очевидно Ленин имеет в виду работу Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 368 — 370). — *Ред.*>

** Очевидно Ленин имеет в виду упомянутую работу Ф. Энгельса (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 349—351). — *Ред.*

есть следующее: бытие — субъект, мышление — предикат. Мышление обуславливается бытием, а не бытие — мышлением. Бытие обуславливается самим собою... имеет свою основу в самом себе»...

<53> ...Прежние теории нравственных наук, говорит Чернышевский, лишены были всякого научного значения благодаря пренебрежению к антропологическому принципу. Что же это за антропологический принцип? «Антропология, — отвечает Чернышевский, — это такая наука, которая, о какой бы части жизненного человеческого процесса ни говорила, всегда помнит, что весь этот процесс и каждая часть его происходит в человеческом организме, что этот организм служит материалом, производящим рассматриваемые ею феномены, что качества феноменов обуславливаются свойствами материала, а законы, по которым возникают феномены, есть только особые частные случаи действия законов природы» (курсив наш).

NB

Здесь совершенно определенно выставлен основной принцип фейербаховского «гуманизма», принимающего как отправной пункт новой философии действительного, чувственного человека...

<58>... Такова была эта знаменитая статья, которая впервые в русской литературе определенно излагала основные начала фейербахова материализма, доведенного у Чернышевского до крайних логических выводов. Мы не станем рассматривать здесь вопроса о том, не вкралась ли в аргументацию Чернышевского детали ошибки или преувеличения; важно то, что в ней с редкой последовательностью отстаивался материалистический взгляд на природу вообще и на человека в частности. Эта статья была философским манифестом «новых людей», разночинской интеллигенции — и так на нее и взглянули враги революционной демократии...

NB

<59> ...«Отеч. Записки» сгруппировали возражения, сделанные Юркевичем против Чернышевского¹. Они сводились к тому, что 1) Чернышевский не знает философии; 2) что он смешал применение естественно-научного метода к изучению психических явлений с самим объяснением душевных явлений; 3) что он не понял важности самонаблюдения как особенного источника психологических познаний; <60> 4) что он «перемешал (?) метафизическое учение о единстве материи»; 5) что он допустил возможность превращения количественных различий в качественные; 6) наконец, «вы допустили, что всякое воззрение есть уже факт науки, и таким образом утратили разницу жизни человеческой от животной. Вы уничтожили нравственную личность человека и допускаете только эгоистические побуждения животного»².

NB

На это Чернышевский отвечает, что все те же самые смертные грехи, которые Юркевич открывает в нем, семинарские тетрадки открывают в Аристотеле, Бэкоме, Гассенди, Локке и т. д., — сло-

¹ Своей статьей против Чернышевского «скромный» профессор Киевской духовной академии Юркевич сделал карьеру: Катков и Леонтьев вскоре устроили ему перевод на кафедру философии в Москву. Вместе с тем этот несчастный человек таким образом обессмертил свое имя. Можно ли только позавидовать такому бессмертию?

² Как увидим ниже, аналогичный аргумент почти через сорок лет приводит г. Иванов в своей «Истории русской критики». Недурно?

вом во всех философах, которые не имели чести принадлежать к цеху идеалистов...

2 <63> ...По всему складу своего последовательного и цельного ума Чернышевский органически не мог бы примириться ни с какой философской системой, в основе которой лежал дуализм. Он признавал только монизм. Но монизм может быть идеалистическим или материалистическим. И, конечно, Чернышевский как по своим личным стремлениям, так и по условиям исторической обстановки, должен был сделаться сторонником материалистического монизма. Идеализм по своему существу созерцателен;

материализм же — система действенная, соответствующая периодам общественного подъема и классам революционно настроенным. Вместе со всем своим поколением Чернышевский естественно стал на точку зрения материалистического монизма ...

NB <66> ...Чернышевский, связывавший философское мировоззрение с определенными практическими стремлениями, понимал, что новейший материализм является философией рабочего класса...

<71> ...Этика Чернышевского сильно напоминает этику Фейербаха; скажем поэтому несколько слов о последней. Как замечает Энгельс¹, этика Фейербаха по форме реалистична, по существу же своему совершенно абстрактна...

NB <74> ...Чернышевский продолжает свою аргументацию. Человек, проводящий целые недели у постели больного друга, приносит свое время и свою свободу в жертву *своему* чувству дружбы: это «свое» чувство в нем так сильно, что, удовлетворяя его, он получает большую приятность, чем получил бы от всяких других удовольствий и даже от свободы; а нарушая его, оставляя без удовлетворения, чувствовал бы больше неприятности, чем сколько получает от временного стеснения своей свободы. То же можно сказать об ученых, отрекающихся от личной жизни во имя интересов науки, или о политических деятелях, «называемых обыкновенно фанатиками», — поясняет Чернышевский, т. е. о революционерах...

> <82> ...Теория разумного эгоизма не должна вводить нас в заблуждение. Это на первый взгляд индивидуалистическое учение в действительности насквозь проникнуто общественным характером. Важна не форма, а содержание «разумного эгоизма» — и, как мы видели выше, Чернышевский и его последователи решали все относящиеся сюда спорные вопросы в социальном духе, в смысле служения общественным и общечеловеческим интересам. В основе морали разумного эгоизма лежит идея долга, но долга свободного, идея выбора, соответствующего внутреннему, органическому благородству. «Быть защитником притесняемых или защитником притеснений, — выбор тут не труден для честного человека»². Теория разумного эгоизма — это и есть мораль честных людей, мораль революционного поколения 60-х годов...

¹ Энгельс. От классического идеализма и пр., стр. 35 и сл. — Энгельс зло вышучивает этику Фейербаха, утверждая, что по его морали биржа — высший храм нравственности, если только спекуляция ведется с правильным расчетом. Это, конечно, полемический прием, но он удачно вскрывает абстрактность и неисторичность фейербаховской морали.

² Сочинения, IV, 475.

Г л а в а I V

ЭСТЕТИКА И КРИТИКА ЧЕРНЫШЕВСКОГО

⟨93⟩ ...Исполненный сил и надежд представитель начинающей свою историческую карьеру революционной демократии решительно отказывается признать идеалистический взгляд, видящий в трагическом закон вселенной. И здесь он пытается стать на «антропологическую» точку зрения...

⟨104⟩ ...Эстетические вопросы были для него только полем битвы, на котором юный революционер мысли давал первое сражение ненавистному старому миру, ненавистному со всеми его политическими и экономическими учреждениями и со всей его идеологией и моралью. В своей диссертации, «где под несколько схоластической формой бурлит жажда жизни, работы, земного счастья»¹, Чернышевский выступил в качестве выразителя идей и настроения разночинной интеллигенции, в то время (после Крымской войны) смело вышедшей на историческую сцену с развернутым знаменем протеста...

Г л а в а V

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

⟨135⟩ ...Если вспомнить, что Чернышевский жил в эпоху глухой европейской реакции, наступившей вслед за подавлением революционного движения 1848—49 гг., что во Франции торжествовал Наполеон III, в Австрии был восстановлен абсолютизм, Пруссия изнывала в тисках феодальной реакции, Италия тщетно стремилась к своему освобождению, Россия собиралась только разделаться с крепостным правом, если вспомнить, что в Европе политическое оживление начало наступать только после австро-итальянской войны 1859 года, а в наличность серьезных революционных сил в России Чернышевский, как мы увидим ниже, не верил, то мы поймем, что его объективизм должен был сплошь и рядом приводить его к безотрадному пессимизму. И тем не менее Чернышевский считал долгом чести не скрывать от себя и своих читателей всей правды, как бы горька она ни была, и никогда не признавал положения: «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман»...

⟨145⟩ ...Итак, Чернышевский рекомендовал оптимистическое отношение к жизни именно на основании того, что *в наше время главная движущая сила истории — промышленное направление*. «Начать хотя с того, — говорит он, — что это стремление дельное, а не праздное; стремление, вовсе не имеющее в виду ничьей гибели — правда, оно губит многих, но только мимоходом, нечаянно, а не по умыслу, как многие из прежних стремлений (здесь Чернышевский из-за сочувствия к развитию производительных сил, обеспечиваемому капитализмом, и из-за вражды к крепостничеству и абсолютизму впадает даже в некоторое преуменьшение губительной роли современной индустрии, отчего он вообще был свободен). Если войны, дипломатические соперничества

¹ Андреевич — Опыт философии русской литературы. СПб., 1905, стр. 249.

приносили свою пользу, если даже уничтожение Нантского эдикта принесло свою пользу, как открывается при точном исследовании, как же не принесет пользы мирное и трудолюбивое промышленное направление нашего века? Быть может, иным из нас приятнее было бы господство какого-нибудь более возвышенного стремления,— но чего нет, того нет, а из того, что есть, более всего добра приносит промышленное направление. Из него выходит и некоторое содействие просвещению, потому что для промышленности нужна наука и умственная развитость; из него выходит и некоторая забота о законности и правосудии, потому что промышленности нужна безопасность; из него выходит и некоторая забота о просторе для личности, потому что для промышленности нужно беспрепятственное обращение капиталов и людей. Победы Наполеона в Испании и Германии принесли некоторую

NB

<146> пользу этим странам, как же не принесут некоторую пользу победы фабрикантов и инженеров, купцов и технологов? *Когда развивается промышленность, прогресс обеспечен. С этой точки мы преимущественно и радуемся усилению промышленного движения у нас.* И дальше Чернышевский с восторгом отмечает несколько новых фактов из области промышленного развития: основание нового пароходного общества по Волге и ее притокам, сельскохозяйственную выставку в Киеве и т. п.¹...

<147> ...После вышесказанного нас, конечно, не удивит, когда мы услышим от Чернышевского, что в основе политического брожения обшкновено лежит недовольство социальное². Нас не поразит его фраза, как бы выхваченная из брошюр Маркса 1848—49 года, что «соль и вино участвовали в падении Наполеона, Бурбонов и Орлеанской династии»³. И мы не удивимся, читая у него рассуждение о причинах падения Рима, которое он вслед за Плинием объясняет изменением земельных отношений: «большепоместность разорила Италию — latifundia perdidere Italiam»⁴...

<152> ...В статье «Капитал и труд» Чернышевский показывает, что в основе древней истории лежала борьба классов. В Афинах, по его мнению, в этой борьбе преобладал чисто политический элемент: эвпатриды и демос боролись почти исключительно за или против распространения политических прав на массу демоса⁵. В Риме гораздо сильнее выступает на первый план борьба

¹ Современное обозрение (ноябрь 1857 г.). Соч., III, 561—2. Ср. «Заметки о журналах» (ноябрь 1856 г.), где Чернышевский «важнейшим из всех улучшений» после Крымской войны признает «принятие мер к построению обширной сети железных дорог». Соч., II, стр. 653.

² Июльская монархия. Соч., VI, 63.

³ Кавеньяк. Соч., IV, 33.

⁴ «Капитал и труд». Соч., VI, 15.

⁵ Совершенно ясно, что Чернышевский здесь ошибается, но это ошибка случайная, так как он же обыкновенно доказывает, что в основе политической борьбы лежит столкновение экономических интересов.— Впрочем, и у Энгельса мы встречаем такую фразу: «По крайней мере, в новейшей истории государство, политический строй является подчиненным элементом, а гражданское общество, область экономических отношений имеет решающее значение» (loc. cit., 57). Будто так обстоит дело только «в новейшей истории»? Это, конечно, обмолвка. Не будем же особенно строги к аналогичным обмолвкам Чернышевского.

* Г. В. Плеханов в своей работе «Н. Г. Чернышевский» приводит это же высказывание Чернышевского о причинах падения Рима (см. «Социал-демократ». Литературно-политическое обозрение, кн. 1. Лондон, 1890, стр. 109 и отд. изд.: СПб., 1910, стр. 164).— *Ред.*

Ср.
Плеханов*

за экономические интересы; спор о сохранении общественной земли, об ограждении пользования ею для всех, имеющих на нее право, идет рядом с борьбой за участие в политических правах и наполняет собой всю римскую историю до самого конца республики...

<154> ...Итак, для Чернышевского было ясно, что современные общественные классы складываются в процессе производства: трем элементам производства — земле, капиталу и труду — соответствуют три основных класса современного общества: землевладельцы, буржуазия и рабочие. В примечаниях <155> к Миллю он определенно указывает, что в общем и целом взаимные отношения этих трех классов обуславливаются трехчленным делением продукта на ренту, прибыль и заработную плату...

<157> ...Правда, у Чернышевского встречается выражение «язва пролетариата», но употребляет он собственно это выражение во время полемики с буржуа — западниками, склонными усматривать в Западной Европе чуть ли не рай и не желающими критически отнестись к отрицательным сторонам западноевропейских отношений¹. Чернышевский говорит о физическом вырождении населения под влиянием капитализма, о неравномерном и несправедливом распределении богатств, об отсталости французского земледелия, о господстве суеверий в массе населения, о слабости науки и отсутствии классового самосознания у рабочих, словом, о той отвратительной и гнетущей обстановке эпохи Второй Империи, когда интеллигентный буржуазный слой населения, «поставленный между страхом вулканических сил народной массы и происками интриганов, пользующихся рутинной и невежеством, предавался своекорыстным стремлениям по невозможности осуществить свой идеал или бросался в излишества всякого рода, чтобы заглушить свою тоску». Чернышевский мог в интересах более верной защиты обобщенного землевладения ставить русскому обществу на вид угрожающую народу пролетаризацию. Но ведь и социал-демократы, возражающие против столыпинских аграрных мероприятий, прибегают к аналогичному аргументу (не по форме, конечно, а по существу)...

<158> ...Но что такое пролетарий? Быть может, Чернышевский разумел под ним просто бедняка или того же «простолюдина»? А вот послушаем самого Чернышевского. Издеваясь над Вернадским за его фразу, что во Франции «множество пролетариев имеют недвижимую собственность», Чернышевский пишет: «Мы осмеливаемся спросить, каким же образом могла произойти такая странность? Сколько нам случалось читать экономистов, пролетарий всегда означает у них человека, не имеющего <159> собственности; это вовсе не то, что просто бедняк; да, экономисты строго различают это понятие: бедняк просто человек, у которого средства к жизни скудные, а пролетарий — человек, не имеющий

?
Ср.
Marx
Das Kapital,
III, 7*

X

фальшив!

¹ Заметки о журналах («Русская беседа» и славянофильство), март, 1857 г., Соч., III, 151.— В то время Чернышевский еще надеялся, что «лучшие представители» славянофильства, на которых правительство смотрело довольно косо, пойдут с демократами рука об руку по некоторым вопросам (в частности, по вопросу о политической свободе и обеспечении народного благосостояния). Скоро он в этом разочаровался.

* Маркс. Капитал. III, 7 (нем.). <См. К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 827—845.— *Ред.*>.

собственности. *Бедняк противопоставляется богачу, пролетарий — собственнику.* Французский поселянин, имеющий 5 гектаров земли, может жить очень скудно, если земля его дурна или семейство его слишком многочисленно, но все-таки он не пролетарий; напротив, какой-нибудь парижский или лионский мастеровой работник может жить в более теплой и удобной комнате, может есть вкуснее и одеваться лучше, нежели этот поселянин, но все-таки он будет пролетарием, если у него нет ни недвижимой собственности, ни капитала, и судьба его исключительно зависит от заработной платы¹. Эти слова родоначальника народничества показывают, насколько выше он стоял таких эпигонов народничества, как например В. Чернов, до сих пор не желающий усвоить разницу между бедняком и пролетарием. Они же показывают, почему он считал «пролетариатство... за язву, более тяжелую для народной жизни, нежели простая бедность». Чернышевский имел в виду необеспеченность существования, которая в случае безработицы, болезни или старости обрекала пролетария на голодную смерть. Эта необеспеченность существования особенно ужасна была в то время, в период отсутствия профессиональных организаций (кроме Англии) и отсутствия страхования рабочих.

Но то обстоятельство, что Чернышевский признавал пролетариат социальной язвой (смысл этого признания мы уже объяснили), отнюдь не значит, чтобы он не понимал великого исторического значения этой самой «язвы». В статье о *Studien* Гакстгаузена, в которой он между прочим признает общину признаком нашей отсталости, а сохранение ее в России считает следствием невыгодных обстоятельств нашего исторического развития, в этой замечательной статье содержится еще другое глубокое указание Чернышевского, свидетельствующее о провидительности этого великого ума. Говоря о том, что экономическое <160> развитие Западной Европы породило страдания пролетариата, он выражает уверенность в конечной победе этого класса, а самое его появление объявляет фактором исторического прогресса. «Мы нисколько не сомневаемся в том, — говорит он, — что эти страдания будут исцелены, что эта болезнь не к смерти, а к здоровью»². Пролетарии не успокоятся, пока не добьются удовлетворения своих требований, и вот почему капиталистическим нациям предостоят новые смуты, жесточайшие прежних. «С другой стороны, — говорит Чернышевский, — число пролетариев все увеличивается, и главное, возрастает их сознание о своих силах и проясняется их понятие о своих потребностях»³. Скажите откровенно, читатель, эта фраза не напоминает вам ничего из «Коммунистического манифеста»?

Приводя цитату из «Экономического указателя» Вернадского о брожении среди европейских рабочих, Чернышевский продолжает: «Помнили ли вы, что говорит ваш журнал, и если помнили, понимали ли? „Рабочий класс в Западной Европе волнуется, требуя применения начал товарищества к своему труду, все резче

¹ О поземельной собственности. Соч., III, 418 (1857 г.).

² Соч., III, 303 (1857 г.).

³ О поземельной собственности. Соч., III, 455 (1857 г.).

* NB подчеркнутая косыми линейками означает, что NB поставлена в углу страницы книги. — *Ред.*

значительное участие въ составѣ палаты общинъ, которая добилась главной власти въ государствѣ. Благодаря своей уступчивости аристократія надолго сохранила фактическое преобладаніе въ государствѣ, и только послѣ цѣлаго ряда постепенныхъ политическихъ завоеваній среднее сословіе дѣйствительно добилось господствующаго положенія. Это произошло во второй половинѣ 18-го вѣка, и къ этому же времени относится и „возникновеніе новой экономической теоріи, до сихъ поръ пользующейся привилегією на имя политической экономіи, какъ будто она единственная теорія экономическихъ учрежденій“. Духъ ея, по словамъ Чернышевскаго, совершенно соотвѣтствуетъ положенію средняго сословія въ обществѣ и роду его занятій. Среднее сословіе составляютъ хозяева промышленныхъ заведеній и торговцы; потому важнѣйшимъ изъ экономическихъ явленій школа Адама Смита признаетъ расширеніе размѣровъ фабрикъ, заводовъ и вообще промышленныхъ заведеній, имѣющихъ одного хозяина съ массой наемныхъ рабочихъ, и развитіе обмѣна. Классовое происхожденіе классической политической экономіи обуславливаетъ ея основныя черты: заботу не о развитіи производства вообще, а о развитіи производства спеціально въ капиталистической его формѣ, а также о неограниченномъ владычествѣ конкуренціи.

Третьимъ классомъ является рабочій классъ. „Изъ трехъ элементовъ, участвующихъ въ производствѣ цѣнностей, недвижимая собственность и въ особенности земля принадлежитъ высшему классу, не участвующему прямымъ образомъ въ производствѣ; оборотный капиталъ вносится въ производство среднимъ классомъ, такъ называемыми антрепренерами, мануфактуристами, заводчиками и фермерами; трудъ почти весь совершается простымъ народомъ, который въ политическомъ отношеніи до сихъ поръ служилъ только орудіемъ для средняго и высшаго сословія въ ихъ взаимной борьбѣ, не сохраняя постоянного независимаго положенія въ политической исторіи“.

Итакъ, для Чернышевскаго было ясно, что современные общественные классы складываются въ процессѣ производства: три элемента производства — земля, капиталъ и трудъ — соотвѣтствуютъ три основныхъ класса современнаго общества: землевладельцы, буржуазія и рабочіе. Въ примѣчаніяхъ

и резче провозглашая потребность работы от правительства и общих мастерских". Ясен или нет смысл движения? Что сказано этим? Сказано то, что в рабочем классе Западной Европы все более и более развивается убеждение в необходимости *droit au travail, ateliers nationaux*, разливается идея Люксембургских конференций. Ясно ли это для вас, г. И. В — ский? Но какова сила этого движения? „Открыт заговор, обнимающий всю восточную половину Западной Европы, простирающийся от Берлина до Бельгии и Швейцарии“, — не беспримерно ли по громадности такое явление? Да что тут говорить, вы сами сравниваете его с „лигой против хлебных законов“ — т. е. с могущественнейшим и разумнейшим и успешнейшим из всех стремлений Англии в последнее 25-летие. Вы в своем журнале придаете такую силу и глубину этому движению, что характеристика, доставляемая вами, далеко превосходит резкостью <161> те слова, которыми выражались мы об этом движении. Мы говорили об Англии и Франции, вы прибавили сюда Бельгию, Швейцарию и Германию. Мы говорили, что это движение сильно, — вы сравнили его в настоящее время по силе с могущественнейшим из всех событий и стремлений новейшей английской истории и прибавили, что это еще только зародыш, который развивается, а когда он разовьется, так еще не то будет»¹...

<174> ...Народнически настроенная часть нашей публики меньше всего интересовалась анализом воззрений Чернышевского с точки зрения его близости к научному социализму; и очень возможно, что установление такой близости она сочтет оскорблением памяти великого мыслителя. Среди большинства марксистов, напротив, господствует взгляд на Чернышевского, как на писателя очень симпатичного, в свое время полезного, но весьма далекого от современного материалистического мировоззрения. На их отношение <175> к Чернышевскому сильно действует тот каприз истории, в силу которого этот объективист и материалист сделался родоначальником народничества. Вообще же большинство публики знает о Чернышевском лишь то, что он написал утопический роман «Что делать?» и якобы мечтал о переходе России от общины сразу к социализму посредством заговора небольшой кучки революционеров-интеллигентов.

Действительная научная физиономия Чернышевского имеет весьма мало общего с этим фантастическим образом...

...Чернышевский смотрел на историю человечества глазами строгого объективиста. Он видел в ней диалектический процесс развития путем противоречий, путем скачков, которые сами являются результатом постепенных количественных изменений. В итоге этого безостановочного диалектического процесса происходит переход от низших форм к высшим. Действующими лицами в истории являются общественные классы, борьба которых обуславливается экономическими причинами. В основе исторического процесса лежит экономический фактор, определяющий политические и юридические отношения, а также идеологию общества.

Можно ли отрицать, что эта точка зрения близка к историческому материализму Маркса и Энгельса? От системы <176> основателей современного научного социализма мировоззрение

¹ О поземельной собственности. Соч., III, 457 (1857 г.)

Чернышевского отличается лишь отсутствием систематизации и определенности некоторых терминов. Единственный серьезный про-
 бел в историко-философских воззрениях Чернышевского заклю-
 чается в том, что он не указал определенно на решающее значение
 развития производительных сил как основного фактора истори-
 ческого процесса. Но он подходил вплотную к этому вопросу,
 понимал, что смена исторических периодов есть смена определен-
 ных стадий в развитии производительных сил — и выше мы по-
 казали это с достаточной убедительностью ссылками на его со-
 чинения...

чересчур

Глава VII

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И СОЦИАЛИЗМ

⟨275⟩ ...В рассуждениях Чернышевского по этому поводу мы
 снова наталкиваемся на причудливое смещение гениальных про-
 зрений и утопических тенденций, — смещение, объясняемое, как
 и во всех других случаях, общим характером его экономической
 системы, о котором мы говорили неоднократно.

NB

Он упрекает Милля за то, что «о самом главном товаре — о
 труде» тот ограничивается парой замечаний, в то время как «труд —
 единственный или важнейший товар для огромного большин-
 ства людей»¹. Чернышевский объясняет это обстоятельство тем,
 что весь анализ ведется у Милля с точки зрения капиталиста, что
 «точка зрения, из которой возникает идея стоимости производст-
 ва, — точка зрения производителя, и собственно только произво-
 дителя, покупающего труд у наемных работников»². Если не
 поставить коренного вопроса об этом «странном товаре», то ни-
 чего особенного и нельзя будет сказать о его меновой стоимости:
 товар как товар подчинен уравнению снабжения и запроса —
 только и всего. «Но коренной-то вопрос состоит в том: следует ли
труду быть товаром, следует ли ему иметь меновую ценность?»

Здесь Чернышевский подходит к вопросу, *может ли труд*, это
 мерило ценности, иметь меновую ценность; но в согласии с об-
 щим духом своей системы ставит вопрос так: *следует ли ему иметь*
меновую ценность? Товар есть нечто, существующее отдельно от
 человека, говорит он, а труд есть функция человеческого орга-
 низма, «часть человеческого существа, никаким способом не мо-
 гущая существовать отдельно от человека». Продажа и ⟨276⟩
 покупка труда есть не что иное, как продажа и покупка человека;
 поэтому, если труд — товар, то это возможно лишь в том случае, если
 сам человек — товар. «Следует ли человеку быть товаром, об этом
 можно думать различно; но политическая экономия утверждает,
 что не следует». Покупка труда от покупки раба отличается
 только продолжительностью времени, на которое совершается про-
 дажа, и степенью власти, какую дает над собой продающийся
 покупающему. Основная черта здесь одна и та же: власть частного
 человека над экономическими силами другого человека. «Юрист
 и администратор могут интересоваться разницей между покупкой
 труда и невольничеством; но политикоэконом не должен»...

¹ Примечания к Миллю, стр. 436 и сл.

² Ibid., стр. 492.

..От имени читателя Чернышевский сам задает себе вопрос: «Но если труд — общее мерило ценностей, то каким же образом доказывали вы в одной из предыдущих статей, что труд не должен иметь меновой ценности?» На этот вопрос он отвечает: «Очень легко убедиться, что эти два понятия о труде как деятельности, которая служит мерилom ценностей и однако не должна сама быть ценностью,— что эти два понятия не противоречат друг другу, а наоборот, необходимо вытекают одно из другого. Мерилom предмета или понятия, конечно, не может служить сам предмет или само понятие,— для этого нужны другой предмет, другое понятие, находящиеся в тесной связи с измеряемыми, как их источники, причины или результаты, но совершенно различные от них. Например, нормой осадки речных судов служит не глубина какого-нибудь речного судна, а глубина реки; глубина реки и <277> плавающее по реке судно — две вещи, совершенно различные. Нормой одежды служит никак не самая одежда, а очертание человеческой фигуры и климат. Нормой закона служит общественное благо; нормою пицци — желудок и язык человека; нормой помады или духов — обоняние человека. Словом сказать, норма вещи всегда нечто совершенно иное, нежели сама вещь. Таким образом, *если ценность должна иметь свою норму (как имеет свою норму все в человеческой жизни), то сама эта норма не может быть ценностью.* Господствующая теория только потому и не могла понять норму ценности, что причислила труд к ценностям. Припомним афоризм, который сама господствующая теория ставит верховным принципом учения о ценности и обмене: *„продукты обмениваются на продукты“.* *Труд не есть продукт. Он еще только производительная сила, он только источник продукта.* Он отличается от продукта, как мускул от поднимаемой мускулом тяжести, как человек от сукна или хлеба»¹...

...Вслед за классической экономией Чернышевский различает два вида ценности: внутреннюю и меновую. Под внутренней ценностью он разумеет ценность потребительную²— и в отличие от буржуазной экономии именно <278> на анализе этой внутренней ценности он сосредоточивает главное внимание. Это совершенно естественно, если вспомнить, что Чернышевский критикует капиталистический строй не столько с точки зрения его внутренних объективных тенденций, сколько с точки зрения его противоположности интересам общества, народа, массы...

...Чернышевскому и нужен этот закон ценности не капиталистического, а социалистического <279> общества, ибо только в последнем производство будет сообразоваться с потребностями «человека», общества. Он и не скрывает, что все его рассуждения о внутренней и меновой ценности, а также о труде, не имеющем ценности, направлены к обличению существующего строя. «Мы видим,— заключает он,— что по сущности дела меновая ценность должна совпадать с внутренней, и отклоняется от нее только вследствие ошибочного признания труда за товар, которым труду никак не следует быть. Поэтому возможность отличать меновую

¹ Примечания к Миллю, стр. 493.

² «Чтобы предмет имел меновую ценность, нужно... быть ему годным на известное употребление,— по мнению покупателя... На языке политической экономии это выражается так: меновую ценность имеют лишь те предметы, которые имеют внутреннюю ценность». Прим. к Миллю, стр. 420.

ценность от внутренней свидетельствует только об экономической неудовлетворительности быта, в котором существует разность между ними. Теория должна смотреть на раздельность меновой ценности от внутренней точно так же, как смотрит на невольничество, монополию, протекционизм. Она может и должна изучать эти явления со всевозможной подробностью, но не должна забывать, что она тут описывает уклонения от естественного порядка. Она может находить, что устранение того или другого из этих феноменов экономической жизни потребует очень долгого времени и очень значительных усилий; но как бы далек ни представлялся ей срок излечения той или другой экономической болезни, не должна же она не представлять, каково должно быть здоровое положение вещей¹.

Здоровое же положение вещей — это социалистический строй, при котором производство планомерно организовано сообразно потребностям общества, труд перестает быть товаром, а меновая ценность совпадает с внутренней. Распределение производительных сил между разными занятиями при системе производства, основанной на обмене, или при производстве на продажу определяется распределением покупательной силы в обществе; при системе же производства, основанной «прямо на потребностях производителя», оно и определяется этими потребностями. Так дело обстоит на низшей стадии развития, характеризующейся существованием замкнутого мелкого хозяйства; но так же оно будет обстоять и на высшей стадии экономического <280> развития, при которой будет господствовать коллективное организованное хозяйство²...

<282> ...В этой системе меновая ценность продукта оставляется без всякого внимания; продукт прямо подводится под потребности человека, рассматривается только его годность для их удовлетворения — внутренняя ценность его; приобретение меновой ценности продуктом предполагается делом случайным, исключительным, потому что масса продуктов и не идет в продажу или в обмен, а прямо служит на потребление производителя; если же часть продуктов и идет в обмен на продукты других производителей³, меновая ценность не является чем-то отличным от внутренней, — внутренняя ценность прямо превращается в меновую без всякого увеличения или уменьшения⁴.

Естественно, — продолжает наш автор, — что этот взгляд, предполагающий прямую связь между производством и потреб-

¹ Ibid., 440—441.

² Ibid., 449—450. — Теперь становятся понятны те дополнения, которые Чернышевский сделал к 17 тезисам Милля о ценности (см. выше, стр. 232): в них он противопоставляет принципы капиталистического и социалистического хозяйства с точки зрения противоположности между двумя видами ценности.

³ Здесь, как мы видим, Чернышевский допускает частичный обмен и в будущем обществе. Дело в том, что, как увидим ниже, он допускал возможность промежуточной стадии между капитализмом и социализмом.

⁴ Из всего вышеизложенного ясно, что если между взглядами на ценность Чернышевского и Прудона и можно установить некоторое самое общее сходство, то сходство это чисто формального свойства. По мнению Прудона, его «установленная (или конституированная) ценность» может осуществляться лишь в обществе мелких самостоятельных производителей, свободно обменивающихся своими продуктами-товарами; «норма» же ценностей Чернышевского предполагает как раз наоборот общество, организованное на на-

NB

NB

нет!

NB

NB

лением без посредства обмена, предполагающий соединение при- были с рабочею платою в руках трудящегося, предполагающий тожество потребителя и производителя, отрицающий систему наемного труда, — естественно, что этот взгляд не был понят ни Адамом Смитом, ни его последователями, не умевшими предста- вить себе систему быта, которая была бы выше трехчленного де- ления продукта между тремя различными классами. «А между тем, даже и при нынешнем быте нельзя не видеть преобладания условий, соответствующих этому взгляду, если <283> обратиться мыслью от частного хозяйства отдельных лиц к национальному хозяйству. *Для целой нации потребители и производители — одно и то же*; потребление прямо определяется производством; рабо- чая плата, прибыль и рента сливаются в одно целое, в продукт национального труда... При малейшем внимании к национально- му хозяйству, как одному экономическому целому, этот поверх- ностный взгляд на дело (учение о „стоимости производства“ в гос- подствующей теории) заменился бы изложенной нами идеей об- щей нормы ценностей»...

только?*

<295> ...Из предыдущего изложения читатель мог составить се- бе представление о характере экономической системы Чернышев- ского, его методе и цели его исследований. Цель <296> эта заклю- чалась в том, чтобы путем критики существующих экономических отношений обнаружить вред капитализма для широких народ- ных масс, подчеркнуть его преходящий характер и выявить ос- новные черты будущего социалистического строя. При этом центр тяжести переносился естественно в область критики существую- щего с точки зрения предстоящего и в область характеристики будущего строя — хотя бы в самых общих чертах. От этого ана- лиз существующих экономических отношений несколько пострадал и, как мы видели выше, определение некоторых основных понятий политической экономии у Чернышевского оказалось невыдержан- ным с исторической и диалектической точки зрения.

Но если недостатки примененного Чернышевским метода вред- но отразились на общем значении его системы и сделали ее не- долговечной, если эта система сыграла известную историческую роль, но в настоящее время должна быть признана устарелой, то эти общие недочеты и неточность отдельных определений не помешали нашему автору высказать целый ряд глубоких крити- ческих замечаний относительно капиталистического строя в его целом. И в этой области дарование и проницательность нашего автора сказались с полным блеском...

NB ((<320> ...Социализм Чернышевского, конечно, не был свободен от некоторых утопических элементов, но признать на этом осно- вании Чернышевского только и просто утопистом мы не решаем-

чалах коллективного труда и коллективного владения орудиями производ- ства, пускающее в обмен лишь ничтожную часть своих продуктов. Исходная точка зрения у Чернышевского — социалистическая, у Прудона — мелко- буржуазная индивидуалистическая. Там, где начинает действовать «норма ценностей» первого, там для «установленной ценности» второго нет места.

* Слово «только?» написано Лениным в левом верхнем углу страницы. — *Ред*

ся. Как мы уже сказали, Чернышевский занимает промежуточную стадию между утопическим и научным социализмом, в большинстве случаев стоя ближе к последнему...

⟨324⟩ ...Повторяем, об утопии Чернышевского следует говорить *cum grano salis*. Строгий реалист, он брал из утопических систем, главным образом, их критику частной собственности и капиталистического строя, а также общие принципы будущего строя, как, например, ассоциация, соединение промышленности с земледелием, организация производства и т. п.; но он прекрасно видел недостатки утопических систем и блестяще критиковал многие их положения...

⟨327⟩ ...Сопоставляя все, что мы выше говорили о политических и историко-философских взглядах Чернышевского, мы с полным основанием можем утверждать, что социальную революцию он представлял себе как внезапный переворот, подготовленный тяжелым положением рабочего класса, вызванным какими-нибудь серьезными осложнениями в международных отношениях и сопровождающийся захватом власти и революционной диктатурой социалистической партии. Но как он смотрел на условия постепенного приготовления этого социального катаклизма, — на этот вопрос ответить гораздо труднее. Его надежды на производительные ассоциации, а в России на общинное землевладение, как на факторы, способные облегчить переход к организации коллективного производства в национальном масштабе, нам уже известны. Но мы почти ничего не знаем о том, как он смотрел на фабричное законодательство, на профессиональные союзы и их борьбу за улучшение условий труда, на потребительные товарищества и пр. Об этих предметах Чернышевский почти ничего не говорит; о профессиональных союзах он упоминает чуть ли не один раз в статье «Капитал и труд»¹. Конечно, известную роль сыграли при этом ⟨328⟩ цензурные условия; но если цензура мешала, допустим, нашему автору много распространяться о борьбе рабочих союзов, то о таких вопросах, как законодательство по охране труда и его социальное значение, он мог бы говорить доволь-

¹ «В Англии мы видим, что работники составляют между собой громадные союзы для самостоятельного действия в политических и особенно экономических вопросах... В практике промышленные союзы (*trade's unions*) работников представляют очень много соответствующего теориям, которые у французов называются коммунистическими. В Англии, где не любят давать громких имен вещам, эти союзы подвергаются упрекам в коммунистических стремлениях только при особенных случаях, каковы, напр., колоссальные отказы от работы для принуждения фабрикантов к повышению заработной платы» (Соч., VI, 29). И это все. Насколько мало значения Чернышевский, по-видимому, придавал деятельности профессиональных союзов, видно из его рассуждений о тенденциях капиталистической эволюции понизить благосостояние рабочих масс. Пролетаризация самостоятельных производителей, — говорит он, — ведет к тому, что в составе рабочего класса пропорция наемных работников увеличивается, а самостоятельных хозяев уменьшается; а так как, при прочих равных условиях, в работнике-хозяине непременно (?) будет больше самоуважения, чем в наемном рабочем, то заработная плата последнего не удержится на уровне дохода мелкого самостоятельного производителя. А раз начавшись, падение продолжается безостановочно (характерно, что и здесь Чернышевский не касается вопроса о «резервной рабочей армии», давящей на уровень заработной платы). Но вышеуказанная тенденция капиталистического развития может парализоваться и даже перевеситься другими противоположными влияниями. Однако и тут Чернышевский имеет в виду не роль организованной борьбы рабочего класса. Он указывает на «прогресс понятий и знаний», благодаря которому улучшаются законы и учреждения, и на связанное с этим развитие в рабочих чувства самоуважения (Прим. к Миллю, 523—525).

но подробно¹. Остается допустить, что он не придавал ему особенного значения, как одному из паллиативных средств, неспособных произвести серьезного улучшения в положении рабочего класса при сохранении современных общественных отношений, что он мечтал о революции, которая сразу положит конец капиталистическому строю без дальних проволочек.

Но дает ли все это нам право причислить Чернышевского к утопистам *tout court*? Мы отнюдь этого не думаем.

Что Чернышевского нельзя причислить к представителям «мелкобуржуазного социализма», ясно из всего предыдущего изложения...

⟨329⟩ ...Все эти отрицательные черты мелкобуржуазного социализма были органически чужды нашему Чернышевскому. От идеализации патриархального варварства он был совершенно ⟨330⟩ свободен; жизнеспособность мелкого производства он категорически отрицал; положительная же его программа сводилась отнюдь не к восстановлению мелкого ремесла или земледелия, а к планомерной общественной организации производства на началах коллективизма.

Но есть ли основания причислить нашего автора к представителям критически-утопического социализма? Посмотрим...

...Маркс, столь строго отнесшийся к писаниям и деятельности таких представителей европейского социализма, как, напр., Прудон и Лассаль (из них последний был его собственным учеником) и таких представителей русского социализма, как Герцен, Бакунин и Нечаев, относился к Чернышевскому с величайшим уважением и глубокой симпатией. Крайне сдержанный в похвалах и скупой на лестные отзывы, творец научного социализма признал нашего автора великим ученым и критиком, мастерски обнаружившим банкротство буржуазной экономии. Ясно, что этот лестный отзыв, чуть ли не единственный в устах сурового Маркса, имел же какие-нибудь серьезные основания, — особенно, если сопоставить его с строгими отзывами Маркса о других крупных представителях социалистической мысли. И такие основания несомненно имелись...

⟨332⟩ ...Черты утопистов совершенно чужды были Чернышевскому — кроме одной: он также видел в основании производительных ассоциаций способ доказать преимущества товарищеского хозяйства над капиталистическим и орудие пропаганды новых идей. Но какая колоссальная разница между ним и утопистами в этом отношении! Во-первых, он никогда не объявлял основание ассоциаций единственным средством социального преобразования, не пытался доктринерски навязать рабочему классу

¹ Даже в статье, казалось бы, специально посвященной этому вопросу («Экономическая деятельность и законодательство»), дается довольно абстрактный разбор вопроса о законности и неизбежности государственного вмешательства в экономические отношения. Можно подумать, что Чернышевскому осталась чужда точка зрения Маркса, провозгласившего закон о 10-часовом рабочем дне «не только крупным практическим успехом, но и победой принципа: впервые при ярком дневном свете политическая экономия буржуазии была побеждена политической экономией пролетариата» (Манифест Интернационала 1864 г.). А между тем, как мы видели в главе VI, Чернышевский вовсе не относился абсолютно отрицательно ко всем реформам безразлично.

⟨333⟩ эту единую форму и не противопоставлял ее историческим формам рабочего движения; во-вторых, он не только не отрицал политической борьбы и политических задач пролетариата, но, напротив, как мы видели выше (гл. V и VI), упрекал социалистов в робости и непоследовательности при осуществлении этих задач, в частности по вопросу о захвате политической власти и революционной диктатуре. Политический индифферентизм, узкая исключительность изобретателя философского камня, кабинетного мыслителя, мечтающего облагодетельствовать глупое человечество своими гениальными выдумками и свысока поглядывающего на беспомощное барахтанье непросвещенных масс в пучинах исторического водоворота,— словом, сектантская самоуверенность и педантизм были ему абсолютно чужды¹.

NB

Как всякий политический деятель и социальный новатор, он, конечно, придавал большое значение пропаганде, но в отличие от утопистов он ничуть не верил в абсолютную силу идей, способную перевесить и заглушить голос классовых интересов. Поэтому он меньше всего думал обращаться со своей проповедью к господствующим классам, никогда не апеллировал ни к их сердцу, ни к кошельку и не мечтал о притуплении классовых противоречий или о примирении противоположных интересов. Напротив, все свои надежды он возлагал на классовые интересы трудящихся, на развитие их сознательности и на их политическую активность. И ⟨334⟩ несмотря на свое идейное одиночество, он никогда не верил, как это при аналогичных условиях делал Сен-Симон, в необходимость кучки просвещенных избранников, которые должны думать и действовать за народ.

На практическую программу Чернышевского имела влияние деятельность чартистов и французских социалистов 40-х годов. Те и другие стремились к преодолению капитализма посредством политического переворота, концентрированного политического действия, и добивались всеобщего избирательного права, как орудия, обеспечивающего влияние трудящихся масс на государство; те и другие обращались не к состраданию и доброй воле правящих классов, а к эксплуатируемым массам, к пролетариату; те и другие смотрели на государство, на организованную силу общества, как на орудие, с помощью которого им удастся, предварительно наложив на него руку, осуществить свои социальные требования. И если в области научной критики капитализма Чернышевский был учеником Фурье, Оуэна и Сен-Симона, то в области практических действий и методов политической борьбы он примыкал скорее к бланкистам и чартистам...

NB

¹ Сен-симонистов он осуждает, между прочим, и за их политический индифферентизм, за сектантский исход в новый Иерусалим: «Горжественное вступление сен-симонистов в новый порядок жизни происходило 6 июня 1832 года, в тот самый день, когда соседние кварталы Парижа были театром республиканского восстания, возбужденного процессией похорон Ламарка. Безмятежно приступая к своей внутренней организации среди грома пушек, истреблявших малочисленные отряды инсургентов, сен-симонисты как будто показывали, что нет им никакого дела до старых радикальных партий, идущих к преобразованию общества путем, который сен-симонисты считали ошибочным, и даже не понимающих, какие реформы нужны для общества; отрекаясь от старого мира, они отреклись даже и от людей, которые больше всех других в старом мире хотели добра простоплюдинам» (Июльская монархия, I, с. 146).

Однако в близкое наступление социализма Чернышевский не верил. В этом отношении он смотрел на вещи более реалистически, чем, например, Маркс и Энгельс в конце 40-х годов. В статье «Экономическая деятельность и законодательство» (1859 г.) он говорит, что мы еще очень далеки от социализма, «быть может, и не на тысячу лет, но вероятно больше, нежели на сто или на полтора ста»¹. Вот почему надежды Чернышевского на общину

(пока у него еще были эти надежды) не следует истолковывать в таком смысле, будто он допускал возможность внезапного скачка из русского варварства <335> с его безграмотностью и деревянными колесами сразу в коммунистическое тысячелетие. Вероятно, он полагал, что если история, которая, «как бабушка, страшно любит младших внучат»², сложится особенно благоприятно для русского народа, то получится нечто вроде того, что за последние годы называлось у нас «трудовой республикой», а в таком случае сохранение общины даст возможность постепенно переходить к настоящему коллективному земледелию с применением машин,

Итак, Чернышевский не верил в близость социализма, но полагал, что необходимо уже теперь изучить социалистический строй в его основаниях, «иначе мы будем сбиваться с дороги»³. Но если сейчас невысказано полное и окончательное осуществление социалистического строя, то мыслимо частичное осуществление социализма. «Разве не случается, — говорит Чернышевский, — что мыслитель, развивающий свою идею с одной заботой о справедливости и последовательности системы в своих чисто теоретических трудах, умеет ограничивать свои советы в практических делах настоящего лишь одной частью своей системы, удобоисполнимой и для настоящего?». Вот почему Чернышевский считает небесполезным, сохраняя целостность своих социалистических стремлений, «поговорить и о возможном в современной действительности». И дальше Чернышевский повторяет свой план производительных ассоциаций, составленный по Фурье и Луи Блану, оговариваясь, что это лишь одно из «предположений, имеющих в виду границы возможного для нынешней эпохи»⁴.

<336> Не будем строго судить его за это. Вспомним, что и Каутский в своей брошюре «На другой день после революции» говорит о постепенном осуществлении социализма, — правда, после захвата власти пролетариатом. Не забудем далее, если взять

¹ Соч., IV, 450.

² Ibid., 329.

³ Прим. к Миллю, 634 и сл.

⁴ В этом отношении на Чернышевского несомненно оказало влияние учение Фурье о гарантизме как промежуточной стадии между капиталистическим строем (цивилизацией) и социалистическим (социетарным строем, гармонией). Гарантизм у Фурье это такой социальный уклад, при котором частные интересы, господствующие в цивилизации, будут подчинены гарантиям общественного интереса. Абсолютное право частной собственности будет ограничено; акционерные общинные конторы организуют производство и торговлю на товарищеских началах; введена будет система широкого государственного страхования граждан от всяких несчастных случаев; организована будет широкая общественная помощь безработным и пр. Словом, система неограниченной конкуренции будет устранена, а государственное вмешательство в экономические отношения получит особенное развитие в интересах трудящихся масс, если только человечеству не удастся сразу перейти от цивилизации к гармонии, минуя стадию гарантизма.

Огол
Заврался
т.Стеклоб

NB

NB

«реализм»??

ства съ его безграмотностью и деревянными колесами сразу въ коммунистическое тысячелѣтіе. Вѣроятно, онъ полагалъ что если исторія, которая, „какъ бабушка, страшно любитъ младшихъ внучатъ“ ¹⁾, сложится особенно благоприятно для русскаго народа, то получится нѣчто вродѣ того, что за послѣдніе годы называлось у насъ „трудоваго республики“, а въ такомъ случаѣ сохраненіе общины дастъ возможность постепенно переходить къ настоящему коллективному земледѣлію съ примѣненіемъ машинъ.

Итакъ, Чернышевскій не вѣрилъ въ близость социализма, но полагалъ, что необходимо уже теперь изучить социалистическій строй въ его основаніяхъ, „иначе мы будемъ сбиваться въ дороги“ ²⁾. Но если сейчасъ немислимо полное и окончательное осуществленіе социалистическаго строя, то мыслимо частичное осуществленіе социализма. „Развѣ не случается, — говоритъ Чернышевскій, — что мыслитель, развивающій свою идею съ одной заботой о справедливости и послѣдовательности системы въ своихъ чисто теоретическихъ трудахъ, умѣетъ ограничивать свои совѣты въ практическихъ дѣлахъ настоящаго лишь одною частью своей системы, удобоисполнимою и для настоящаго?“. Вотъ почему Чернышевскій считаетъ не бесполезнымъ, сохраняя цѣлостность оныхъ социалистическихъ стремленій, „поговорить и о возможномъ въ современной дѣйствительности“. И дальше Чернышевскій повторяетъ свой планъ производительныхъ ассоціацій, составленный по Фурье и Луи Блану, оговариваясь, что это лишь одно изъ „предположеній, имѣющихъ въ виду границы возможнаго для нынѣшней эпохи“ ³⁾.

¹⁾ Ibid., 329.

²⁾ Прим. къ Мизлю, 634 и сл.

³⁾ Въ этомъ отношеніи на Чернышевскаго несомнѣнно оказало вліяніе ученіе Фурье о гарантизмѣ, какъ промежуточной стадіи между капиталистическимъ строемъ (цивилизацией) и социалистическимъ (соціетарнымъ строемъ, гармоніей). Гарантизмъ у Фурье это такой социальный укладъ, при которомъ частные интересы, господствующіе въ цивилизации, будутъ подчинены гарантіямъ общественнаго интереса. Абсолютное право частной собственности будетъ ограничено; акціонерамъ общинныя конторы организовать производство и торговлю на товарищескихъ началахъ; введена будетъ система широкаго государственнаго страхованія гражданъ отъ всякихъ несчастныхъ случаевъ; организована будетъ широкая обще-

эпоху, более близкую к Чернышевскому, что конгрессы Интернационала, на работы которых со стороны влиял сам Маркс, также допускали такое частичное осуществление социализма еще в рамках буржуазного строя (куда они относили национализацию земли, национализацию железных дорог, каналов и рудников и передачу их рабочим ассоциациям и т. п.).

Г л а в а VIII

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО ТОГО ВРЕМЕНИ

«340» ...На современное ему русское общество Чернышевский смотрел крайне пессимистически; он не видел в нем ни стремления к решительной борьбе, ни сил, способных довести эту борьбу до конца. «Переделать по нашим убеждениям жизнь русского общества! — говорит герой повести «Тихий голос»: — в молодости натурально думать о всяческих химерах. Но в мои лета было бы стыдно сохранить наивность... Я давно стал совершеннолетним, давно увидел, в каком обществе я живу, какой страны, какой нации сын я. Хлопотать над применением моих убеждений к ее жизни, значило бы трудиться над внушением волю моих понятий о ярме»¹. Ему казалось, что он живет в эпоху «безнадежной латаргии общества»². Другой герой Чернышевского говорит: «Я люблю мой родной народ, но я чужой ему» («Вечера у княгини Старобельской»)»³.

Вы помните замечательную сцену в «Прологе», когда Волгин, приглашенный на банкет к знакомому либералу, воочию убеждается в бессилии и беспомощности дворянства, испуганного приближающейся отменой крепостного права. Он не любил дворянства, но бывали минуты, когда он не имел вражды к нему: можно ли ненавидеть жалких рабов? И теперь на него нашло такое настроение. «Жалкая нация, жалкая нация! Нация рабов, — снизу доверху все сплошь рабы», — думал он и хмурил брови. «У русского «341» народа не могло быть борцов, по мнению Волгина, оттого, что русский народ не способен поддерживать вступающих за него; какому же человеку в здравом смысле бывает охота пропадать задаром?» Вопрос о земле и о вознаграждении помещиков по-настоящему должен был решиться волею народа. Должен и, разумеется, не будет, — злобно замечает Волгин...

... Левицкий так передает впечатление от бесед с Чернышевским⁴.

Из того, что он говорил, многое казалось слишком мрачно, слишком безнадежно. Его слова возбуждали в слушателе глубокое презрение к настоящему и ко всякой деятельности в настоящем. Искреннему демократу не стоит горячиться потому, что все наши общественные дела — мелочь и вздор. Наше общество не занимается ничем, «342» кроме пустяков. Теперь⁵, например, оно горячится исключительно из-за отмены крепостного права. *Что такое крепостное право? Мелочь.* В Америке невольничество не

¹ «Тихий голос». Соч., X, ч. 1, 63.

² Ibid., 70.

³ «Вечера» и пр. Соч., X, ч. 2, 306.

⁴ «Дневник Левицкого» (вторая, неоконченная часть «Пролога»). Соч., X, ч. 1, стр. 210 и сл.

⁵ Т. е. в конце 50-х годов.

мелочь: разница между правами и благосостоянием черного работника в южных штатах и белого работника в северных — неизмеримо велика; сравнить невольника с северным работником великая польза. У нас не то. Многим ли лучше крепостных живут вольные мужики? Многим ли выше их общественное значение? Разница настолько микроскопическая, что не стоит и говорить об ней. Отмена крепостного права — мелочь, раз земля останется во владении дворянства. От реформы одна сотая доля крестьян выиграет, остальная может только проиграть. В сущности, все это мелочь и вздор. *Все вздор перед общим характером национального устройства.* Допустим, что эта частичная реформа будет осуществлена. Что дальше на очереди? Суд присяжных? «Тоже важная вещь, когда находится не под влиянием такого общего национального устройства, при котором никакие судебные формы не могут действовать много хуже суда присяжных». Две мелочи — вот вся программа хлопот и восторгов русского общества на довольно долгое время, если не случится ничего особенного; а ничего особенного пока еще не предвидится...

⟨343⟩ Левицкий (Добролюбов) не мог согласиться с этими мрачными выводами Волгина (Чернышевского), хотя во время бесед поддавался могучему влиянию этого огромного и последовательного ума. Он признает Волгина человеком, преданным всей душой народным интересам, но он также ясно видит его недостатки: *он не верит в народ.* «По его мнению, народ так же подл и пошл, как общество. Понятно, почему он так думает: ему не хотелось бы террора; он и старается убедить себя, что террор невозможен. Он слишком холодно советует терпеть. Это явная логическая ошибка... Народу не так легко терпеть, как нам». Левицкий ставит себе вопрос: действительно ли в русском обществе нет серьезных стремлений и даже нельзя внушить их ему? Скептицизм и равнодушие Волгина давали ему перевес над пылким и увлекающимся энтузиастом, верившим в разум и энергию людей. Но в этих спорах у Левицкого была сильная сторона: его активность. Он говорит: «Но в одном я был правее Волгина: никакое положение дел не оправдывает бездействия; всегда можно делать что-нибудь не совершенно бесполезное; всегда надобно делать все, что можно. Об это разбивались все его насмешки над его собственной деятельностью, которая кажется ему ⟨344⟩ пустой, и над моими стремлениями к такой же работе, — положим, и действительно мелкой, жалкой».

Приводим из этого глубоко интересного дневника (не забудем, написанного самим Чернышевским) еще один разговор, характерный для тогдашнего настроения Чернышевского (вторая половина 50-х годов). Проживая в глухой провинции, Левицкий вспоминает беседы со своим учителем. «В голове Петербург, журналистика, наши либералы и Волгин, с вялой насмешкой говорящий: „Эх, вы! — Ну, какое пиво сварить с этой сволочью?“ И возражаешь Волгину: „Где же, когда же общество не было толпою сволочи? А между тем порядочные люди всегда и везде работали“. — „Натурально, по глупости; всегда и везде умные люди были глухи, Владимир Алексеевич. Что за радость толочь воду? — продолжал Волгин свои вялые сарказмы: — История движется не тем, не мыслями и работой умных людей, а глупостями дураков и невежд. Умным людям не для чего тут мешаться; глупо мешаться не в свое дело, поверьте!“» Отвечаешь ему и на

это: „Вопрос не в том, умно ли мешаться, а в том, можешь ли не мешаться? Умно ли моему телу дрожать от холода, умно ли моей груди чувствовать стеснение в удушающем газе? Глупо. Лучше бы для меня, если бы иначе; но такова моя природа: дрожу от холода, негодую на подлость, и если нечем пробить стену душной тюрьмы, буду биться в нее лбом,—пусть она не пошатнется, так хоть он разобьется—все-таки я в выигрыше“. Вижу вялую улыбку, вижу покачивание головы: „Эх, Владимир Алексеевич, натурально, в этом смысле вы говорите справедливо, но поверьте, не стоит иметь такие чувства“. — „Не в том дело, стоит ли иметь, а в том, что имеешь их“¹.

Работать для людей, которые не понимают тех, кто работает для них,— это очень неудобно для работающих и невыгодно для успеха работы,— говорил Чернышевский в «Письмах без адреса». *Вот трагедия Чернышевского и его современников.* При данном в то время соотношении общественных сил ход событий совершался с роковой <345> неуклонностью, направляясь против народных интересов...

... А либералы? На них Чернышевский меньше всего возлагал надежд. Недоверие к либералам необходимо для революционера, так как либералы меньше всего думают о народном благе, а преследуют чисто буржуазные интересы. Но он простил бы им половину исторических грехов, если бы они проявили хоть сколько-нибудь решимости и настойчивости даже в преследовании своих классовых целей, если бы они поняли, что никакие реформы не имеют никакого значения в России до тех пор, пока остаются в целостности основные черты старого режима. С грустью и негодованием констатирует он отсутствие энергии и серьезных стремлений в русском обществе, «самый общий недостаток в котором — не какие-нибудь ошибочные понятия, а отсутствие всяких понятий, не какие-нибудь ложные увлечения, а слабость всяких умственных и нравственных влечений... каких-либо общественных интересов». В герое тургеневской «Аси» он видит символическую фигуру, в которой воплотились отличительные черты наших «лучших людей», представителей образованного общества; его пошлое поведение он признает «симптомом эпидемической болезни, укorenившейся в нашем обществе».

В русском обществе нет мужчин, говорит Чернышевский. Без приобретения привычки к самостоятельному участию в общественных делах, без приобретения чувств гражданина, ребенок мужского пола, вырастая, <346> делается существом мужского пола средних, а потом пожилых лет, но мужчиной он не становится или, по крайней мере, не становится мужчиной благородного характера. Мелочность взглядов и интересов отражается на характере и на воле: «какова широта взглядов, такова широта и решений». Этим определяется характер русских героев, которые, как замечает Чернышевский, у всех наших писателей действуют одинаковым образом. «Пока о деле нет речи, а надобно только занять праздное время, наполнить праздную голову или праздное сердце разговорами и мечтами, герой очень боек; подходит дело к тому, чтобы прямо и точно выразить свои чувства и желания, большая часть героев начинает уже колебаться и чувствовать неповоротливость в языке. Немногие, самые храбрые».

¹ Ibid., 239.

шие, кое-как успевают еще собрать все свои силы и косноязычно выразить что-то, дающее смутное понятие о их мысли, но вздумай кто-нибудь схватиться за их желание, сказать: „Вы хотите того-то и того-то; мы очень рады; начинайте же действовать, а мы вас поддержим“, — при такой реплике одна половина храбрейших героев падает в обморок, другие начинают очень грубо упрекать вас за то, что вы поставили их в неловкое положение, начинают говорить, что они не ожидали от вас таких предложений, что они совершенно теряют голову, не могут ничего сообразить, потому что „как можно так скоро“, и „притом же они честные люди“, и не только честные, но очень смирные, и не хотят подвергать вас неприятностям и что вообще разве можно в самом деле хлопотать обо всем, о чем говорится от нечего делать, и что лучше всего ни за что не приниматься, потому что все соединено с хлопотами и неудобствами, и хорошего ничего пока не может быть, потому что, как уже сказано, они „никак не ждали и не ожидали“, и проч.»¹.

Статью о тургеневской «Асе» Чернышевский написал для разоблачения «либеральных иллюзий». С этими же иллюзиями он систематически боролся во всех своих писаниях, попутно разоблачая в них узость и классовый характер либеральных стремлений. <347> Само собою разумеется, либералы платили ему за его кампанию глубокой ненавистью, сравнивали его с Гречем, Булгариным, Сенковским. Но Чернышевский и его кружок не смущались либеральной клеветой и продолжали беспощадно разоблачать либеральное прекраснодушие, торжественно-напыщенное разглагольствование о русском прогрессе; они доказывали, что ладя русского прогресса не только не пошла полным ходом вперед, но продолжает преблагополучно торчать в старом историческом болоте. А в сатирическом приложении к «Современнику», в знаменитом «Свистке», в котором сам Чернышевский писал мало (там работал главным образом Добролюбов), но на направление и содержание которого он имел огромное влияние, безжалостно вышучивалась либеральная восторженность, умеренность, аккуратность и любезная либеральному сердцу «гласность».

Отношение Чернышевского к русским либералам прекрасно выясняется из романа «Пролог». О либеральных бюрократах нечего и говорить: их Чернышевский презирал и ненавидел от всей души, быть может, еще больше, чем открытых и убежденных реакционеров. На всем протяжении романа он безжалостно казнит либеральничавшего сановника-лицемера (Савелова), издевается над ним и описывает его в самых черных красках. Но с таким же почти презрением относится он и к либералам из так называемого образованного общества. Он рисует их умственно ограниченными, морально-пошлыми, политически недальновидными и трусливыми. Он смеется над их торжественными заявлениями о том, что «пробудилось сознание в целом обществе». В резко насмешливом тоне описывает он лидера тогдашних петербургских либералов Рязанцева, в котором изображен, по-видимому, Кавелин, впоследствии злорадствовавший по поводу ареста Чернышевского. С нескрываемым презрением говорит он о господах «просвещателях» русской публики, у которых чепуха в голове; пишут ахинею, сбивают с последнего толку русское общество, которое и без того находится в полупомешательстве...»

¹ Русский человек на rendez-vous. Соч., I, 90—91 (1858 г.).

⟨348⟩ ...В 44 № «Колокола» за 1859 год появилась статья Герцена «Very dangerous!» («Весьма опасно!»), прямо направленная против кружка Чернышевского. «В последнее время, — писал Герцен, — в нашем журнализме стало повеять какой-то тлетворной струей, каким-то *развратом* мысли». Герцен отказывается принять взгляды Чернышевского и Добролюбова за выражение общественного мнения, а высказывает предположение, что их статьи внушены им правительством. «Журналы, сделавшие себе пьедестал из благородных негодований и чуть не ремесло из мрачных сочувствий со страждущими, катаются со смеху над *обличительной* литературой, над неудачными опытами *гласности*. И это не то, чтобы случайно, но при большом театре ставят особые балаганчики для освистывания первых опытов свободного слова литературы, у которой еще не заросли волосы на голове, так она недавно сидела в остроге»¹.

⟨349⟩ Герцен дальше возмущается насмешками радикалов над либералами-мечтателями, напоминает «свистунам», как сурово общественное мнение казнило «за гражданские измены или шаткости», приводит пример Гоголя и Сенковского и утверждает, что в смехе Чернышевского и Добролюбова нет «того вечно тревожащего демона любви и негодования», который в избытке замечался у Белинского и Грановского. Теперь, дескать, наступила эпоха серьезных общественных начинаний. «Вот потому-то в такое время, — заключает Герцен, — пустое балагурство скучно, неуместно; но оно делается отвратительно и гадко, когда привешивает свои ослиные бубенчики к тройке, которая, в поту и выбиваясь из сил, вытаскивает — может, иной раз оступаясь — нашу телегу из грязи. Не лучше ли в сто раз, господа, вместо освистывания неловких опытов вывести на торную дорогу, — самим на деле помочь и показать, как надо пользоваться гласностью? Мало ли на что вам есть точить желчь, — от цензурной тропицы до покровительства кабаков, от плантаторских комитетов до полицейских побоев. Истощая свой смех на обличительную литературу, милые паяцы наши забывают, что по этой скользкой дороге можно *досвистаться не только до Булгарина и Греча, но (чего боже сохрани!) и до Станислава на шею*»².

Эта скандальная статья Герцена, в которой Чернышевский и Добролюбов выставлялись чуть ли не агентами-провокаторами и слугами реакции и в которой будущим жертвам абсолютизма сулился Станислав на шею, произвела крайне неприятное впечатление на кружок «Современника». В июне 1859 года Чернышевский выехал за границу, где в Лондоне между ним и Герценом состоялось по этому поводу объяснение. Как и следовало ожидать, это объяснение ни к чему не привело: в тот момент оба собеседника стояли на противоположных полюсах. Чернышевский был представителем революционно-демократического течения общественной мысли, а Герцен тогда стоял еще на точке зрения просвещенного либерализма и даже не свободен был от некоторых надежд на либеральную бюрократию...

⟨350⟩ ...О свидании с Чернышевским Герцен рассказал в статье «Лишние люди и желчевики»³ чрезвычайно пристрастно и од-

¹ Балаганчик при театре — это, конечно, «Свисток», выходявший в виде приложения к «Современнику».

² Сочинения Герцена, т. VI, стр. 242—246. СПб., 1905.

³ Соч. Герцена, т. V, стр. 241—248.

посторонне. Послушать его, так весь разговор представителей двух направлений русской общественной мысли вертелся якобы вокруг исторических экскурсий в 30-ые и 40-ые годы.

На самом деле не может подлежать сомнению, что спор Чернышевского с Герценом должен был идти об отношении к *тогдашнему русскому либерализму и к реформам 60-х годов*; исторические справки могли служить для того и другого собеседника лишь иллюстрацией их отношения к текущим злободневным вопросам. Не забудем, что полемика-то между ними завязалась именно по поводу насмешек «Современника» и «Свистка» над буржуазным либерализмом вообще и над тогдашними российскими «прогрессистами» в частности.

Лишние люди — это отцы, люди 40-х годов, и либералы 60-х годов, на которых нападал «Современник»; *желчевики* — это революционеры 60-х годов, Чернышевский и его единомышленники, на которых нападал Герцен. Но единственный упрек, который Герцен мог поставить желчевикам, это их тон, «беспокойный тон, язык *saccadé* и вдруг распливающийся в бюрократическое празднословие, уклончивое смирение и надменные выговоры, намеренная сухость и готовность по первому поводу осыпать ругательствами, оскорбительное принятие вперед всех обвинений и беспокойная нетерпимость директора департамента. <351> Этот тон директорского распекающего слога, презрительный и с прищуренными глазами, для нас противнее генеральского силлого крика, напоминающего густой лай остепенившейся собаки, ворчащей больше по общественному положению».

После объяснения с Чернышевским Герцен принужден уже отказать от своих инсинуаций по адресу радикалов, действующих якобы по внушениям правительства. Теперь он уже признает, что они — люди добрейшие по сердцу и благороднейшие по направлению, но прибавляет, что тоном своим они могут довести ангела до драки и святого до проклятия¹. К тому же они, по его словам, с таким апломбом преувеличивают все на свете и не для шутки, а для огорчения, что выводят добродушных людей из терпения. На всякое «бутылками и пребольшими» у них готово мрачное «нет-с, бочками сороковыми!» Герцен утешается надеждой, что тип желчевиков недолговечен. Жизнь, — говорит он, — долго не может выносить наводящие уныние лица невских Данилов, мрачно упрекающих людей, зачем они обедают без скрежета зубов и, восхищаясь картиной или музыкой, забывают о всех несчастях мира сего. На смену этим беспощадным отрицателям, которых сдает раздражительное и «свернувшееся» самолюбие, на смену этим ипохондрикам, неразвившимся талантам и неудавшимся гениям должно прийти новое жизнерадостное и здоровое поколение, которым старики à la Герцен протянут, быть может, руку через головы физически и морально больного поколения желчевиков.

Как мы видим, даже такой искренний и просвещенный представитель либерализма, как Герцен, органически не мог понять первого поколения русских революционных демократов². Из-за

¹ Как известно, о *тоне* противника люди заговаривают тогда, когда не в состоянии привести против него более серьезных аргументов.

² Г. Богучарский в своей книге «Из прошлого русского общества» (стр. 250), изложивши этот конфликт двух направлений, заключает: «совершенно

NB // тона он не разглядел сущности их <352> стремлений, из-за де-
 реьев он не заметил леса. Настолько органически либералы и де-
 мократы были уже тогда чужды друг другу. Ибо здесь дело шло
 NB ||| не о столкновении двух поколений или, вернее, не столько о столк-
 новении двух поколений, сколько о конфликте двух общественных
 течений, двух партий, представлявших существенно различные
 NB (и враждебные классовые интересы¹. Либералы представляли ин-
 тересы буржуазии и прогрессивного дворянства, Чернышевский
 и его кружок отстаивали интересы трудящихся или, говоря его
 слогом, простонародья, в котором по тогдашним социальным усло-
 виям смешивались воедино рабочий класс и крестьянство. Не сле-
 дует при этом упускать из виду, что крестьянство составляло
 тогда почти единственную массу трудящихся, из которой проле-
 тариат не успел еще выделиться настолько, чтобы входить в рас-
 четы демократов в качестве серьезного исторического фак-
 тора. И вот почему в расчетах тогдашних социалистов вообще,
 и Чернышевского в частности, главную роль играет крестья-
 нство, а о пролетариате упоминается лишь глухо и слабы-
 ми намеками (например, швейные мастерские в романе «Что
 делать?»).

<353> ... Именно потому, что в основе режима, от которого за-
 дыхалось все честное и живое на Руси, лежало крепостное право, —
 именно потому передовые русские люди того времени с таким
 восторгом встретили первые акты, <354> коими правительство
 возвещало свою решимость приступить к раскрепощению крестьян-
 ства. И даже наш великий Чернышевский на момент поддался
 общему увлечению и, в параллель Герценовскому: «Ты победил,
 Галилеянин!», предпослал своей статье «О новых условиях сель-
 ского быта» («Совр.», 1858, № 2) эпитафию, обращенный к Алек-
 сандру II: «Возлюбил еси правду и возненавидел еси беззакон-
 ние, сего ради помаза тя Бог твой (Псал. XLV, стих 8)»²...

1858

NB

ясно, что Чернышевский был по существу дела неправ. Правда, он спохва-
 тывается и вспоминает, что «мы имеем наказание по этому поводу (разговор
 в Лондоне) только одной стороны», но во-первых, об этом нужно было вспо-
 нять прежде, чем делать столь решительный вывод, а во-вторых, показания
 по этому поводу является вся литературная и общественная деятельность
 обоих великих писателей. Чернышевский до конца остался верен своим
 взглядам — и история доказала справедливость его отношения к русскому
 либерализму; а вот Герцену пришлось скоро отказаться от своего прекрас-
 нодушия и во многом стать на точку зрения Чернышевского. Почему же
 г. Богучарский все-таки считает Чернышевского «по существу дела неправым»?
 По какому существу и какого дела? В его отношении к российским либера-
 лам, что ли? или к либеральничающей бюрократии? Вот что значит пройти
 освобожденско-кадетскую школу!

¹ Характерно, что Тургенев (конечно, человек 40-х годов), разорвавши
 с радикальным «Современником», перебежал в «Русский вестник» Каткова,
 который к тому времени успел уже достаточно обнаружить свои настоящие
 тенденции. Роман Тургенева «Отцы и дети», который, что бы там ни говорили,
 направлен был против «нигилистов» (хотя благодаря художественной искрен-
 ности автора нигилист Базаров вышел все-таки симпатичнее всех других
 персонажей романа), помещен был в «Русск. вестнике» за 1862 г. А между
 тем Катков в своем журнале уже вел доносительную кампанию против де-
 мократов, а вскоре ополчился и на Герцена (личного друга Тургенева),
 обливая его ушагами помоев.

² Соч., IV, 50 и ss.

стремлений, из-за деревьевъ онъ не замѣтилъ дѣла. На- столько органически либералы и демократы были уже тогда чужды другъ другу. Ибо здѣсь дѣло шло не о столкновеніи двухъ поколѣній или, вѣрнѣе, не столько о столкновеніи двухъ поколѣній, сколько о конфликтѣ двухъ обществен- ныхъ теченій, двухъ партій, представлявшихъ существенно различные и враждебные классовые интересы ¹⁾. Либералы представляли интересы буржуазіи и прогрессивнаго дворянства, Чернышевскій и его кружокъ отстаивали интересы трудящихся или, говоря его слогомъ, простонародья, въ ко- торомъ по тогдашнимъ социальнымъ условіямъ смѣшива- лись воедино рабочій классъ и крестьянство. Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что крестьянство составляло тогда почти единственную массу трудящихся, изъ которой пролетаріатъ не успѣлъ еще выдѣлиться настолько, чтобы входить въ расчеты демократовъ въ качествѣ серьезнаго историческаго фактора. И вотъ почему въ расчетахъ то- гдашнихъ социалистовъ вообще и Чернышевскаго въ част- ности главную роль играетъ крестьянство, а о пролетаріатѣ упоминается лишь глухо и слабыми намеками (напримѣръ, швейныя мастерскія въ романѣ „Что дѣлать?“).

по этому поводу (разговоръ въ Лондонѣ) только одной стороны²⁾, но во- первыхъ, объ этомъ нужно было вспомнить прежде, чѣмъ дѣлать столь рѣшительный выводъ, а во-вторыхъ, показаніями по этому поводу является вся литературная и общественная дѣятельность обоихъ великихъ писа- телей. Чернышевскій до конца остался вѣренъ своимъ взглядамъ — и исторія доказала справедливость его отношеній къ русскому либерализму; а вотъ Герцену пришлось скоро отказаться отъ своего прекрасноруднаго и во мно- гомъ стать на точку зрѣнія Чернышевскаго. Почему же г. Богучарскій все-таки считаетъ Чернышевскаго „по существу дѣла неправымъ“? По какому существу и какого дѣла? Въ его отношеніи къ россійскимъ либе- раламъ, что ли? или къ либерализующей бюрократіи? Вотъ что значитъ пройти освободительно-кадетскую школу!

¹⁾ Характерно, что Тургеневъ (конечно, челоѣкъ 40-мъ годовъ), разорвавши съ радикальнымъ «Современникомъ», перебѣжалъ въ «Русскій Вѣстникъ» Каткова, который къ тому времени успѣлъ уже достаточно обнаружить свои настоящія тенденціи. Романъ Тургенева «Отцы и Дѣти», который, что бы тамъ ни говорили, направлеиъ былъ противъ «нигили- стовъ» (хотя благодаря художественной искренности автора взглядъ Ба- заровъ вышелъ все-таки симпатичнѣе всѣхъ другихъ персонажей романа), помѣщенъ былъ въ «Русск. Вѣстникѣ» за 1862 г. А между тѣмъ Катковъ

... Главнейший источник всех недостатков русской жизни — крепостное право¹. «С уничтожением этого основного зла нашей жизни, каждое другое зло ее потеряет девять десятых своей силы». Крепостным правом <355> парализовались «все заботы правительства, все усилия частных людей на благо России». При нем невозможны были ни правосудие, ни нормальное функционирование государственного механизма, ни порядочная администрация, ни рациональный бюджет, ни развитие производительных сил. Подневольный труд крестьян в первую голову невыгоден был для самих помещиков. Отмена крепостного права принесет пользу всему народу, всей стране, но больше всего и прежде всего выиграет от нее помещичий класс, а затем купцы и промышленники: вот почему расходы по освобождению крестьян должна нести вся нация². Но все эти положительные стороны скажутся только в том случае, если реформа будет проведена глубоко и серьезно, если крестьянам будет предоставлена вся нужная им земля и притом за небольшой выкуп³. А в случае рационального разрешения крестьянского вопроса Россия быстрыми шагами пойдет вперед, причем общинное землевладение поможет ей постепенно и безболезненно перейти к высшим формам организованного труда.

Вот почему первые шаги правительства в области крестьянской реформы привели Чернышевского в такой восторг, окрылили его такими радужными надеждами. И вот почему из-под пера его вырвалось славословие Александру II, столь не идущее к общему мировоззрению писателя. «Благословение, обещанное миротворцам и кротким, увенчивает Александра II счастьем, каким не был увенчан еще никто из государей Европы — счастьем одному начать и совершить освобождение своих подданных». Но скоро, еще в том же 1858 году, Чернышевский изменил свое отношение к правительству, когда увидел, что оно искажает великую реформу в интересах помещиков⁴.

<356> С тоской и бессильным гневом смотрел Чернышевский на то, как крестьянская реформа, попавшая в руки бюрократов и крепостников, систематически искажается и проводится во вред народным интересам. Мнения народа никто не спрашивал, и Чернышевский берет на себя выразить крестьянскую точку зрения. Народ, говорит он, ждет от реформы земли и воли, т. е. не только личного освобождения, но и передачи всех находящихся в его пользовании земель за умеренный выкуп (об освобождении без выкупа по тогдашним цензурным условиям, как мы указывали, нельзя было и заикаться). Он предостерегает правительство, что временное сохранение обязательных отношений и тяжелый

¹ Впоследствии, как мы знаем, Чернышевский несколько изменил свой взгляд; неудача крестьянской реформы заставила его искать этой основной причины глубже — и он нашел ее в политическом устройстве России, одним из проявлений которого он и признал крепостное право.

² Соч., IV, 62, 66, 67, 94, 99, 112, 387.

³ В сущности Чернышевский стоял за полную экспроприацию помещиков и за передачу крестьянам земли без всякого выкупа; но открыто говорить об этом в своих статьях он не мог по цензурным условиям. Ср. приводимую ниже в тексте выдержку из романа «Пролог» (разговор с Соколовским).

⁴ Знаменитая статья «Критика философских предубеждений против общинного землевладения», в которой Чернышевский смеется над собой за временно овладевшие им оптимистические надежды, напечатана была в № 12 «Соврем.» за 1858 г.

NB III

с. 357

1858

№ 12

выкуп внушат народу мысль о том, что он обманут, а в таком случае стране предстоят самые тяжелые испытания¹. Под влиянием чувства негодования, охватившего Чернышевского при виде искажения крестьянской реформы, он начинает склоняться к той мысли, что лучше бы не было никаких реформ. «Я не желаю, — говорит Волгин, — чтобы делались реформы, когда нет условий, необходимых для того, чтобы реформы производились удовлетворительным образом»².

«Толкуют: освободим крестьян, — замечает он в другом месте. — Где силы на такое дело? Еще нет сил. Нелепо приниматься за дело, когда нет сил на него. А видите, к чему идет. Станут освобождать. Что выйдет? — сами судите, что выходит, когда берешься за дело, которого не можешь сделать. Натурально что: испортишь дело, выйдет мерзость... — Волгин замолчал, нахмурил брови и стал качать головой. — Эх, наши господа эмансипаторы, все эти ваши Рязанцевы с компанией! — вот хвастуны-то; вот болтуны-то; вот дурачье-то! — Он опять замотал головою». Убеждая революционера Соколовского (Сераковский) не верить нашим либералам и скептически относиться к пустым толкам о затеваемых серьезных реформах, Волгин утверждает, что, по его мнению, беды <357> не будет, если дело освобождения крестьян будет передано в руки помещичьей партии. Разница не колоссальная, а ничтожная. Была бы колоссальная, если бы крестьяне получили землю без выкупа (вот где Чернышевский раскрывает свои карты: в романе, написанном в Сибири; в статьях, писавшихся с разрешения цензуры, он об этом не мог и заикаться). План помещичьей партии отличается от плана прогрессистов только тем, что проще и короче, поэтому он даже лучше. Если сказать правду, лучше пусть будут освобождены без земли. «Вопрос поставлен так, что я не нахожу причин горячиться, будут или не будут освобождены крестьяне; тем меньше из-за того, кто станет освобождать их — либералы или помещики. По-моему, все равно. Или помещики даже лучше»³.

Почему же Чернышевский полагал, что освобождение крестьян без земли лучше? Потому, что, по его мнению, это было единственное средство расшевелить косную народную массу и возбудить в ней движение, которое смело бы старый режим целиком и дало бы народу настоящую землю и волю. Все это время он колебался между полным унынием и надеждой на предстоящий взрыв крестьянской революции. На либеральном банкете Волгин грозит реакционным помещикам народной революцией; но через минуту сам смеется над собой. Грозить крестьянским восстанием, крестьянской революцией! «Не было ли бы это и смешно? Кто же поверил бы, кто не расхохотался бы? — Да и не совсем честно грозить тем, во что сам же первый веришь меньше всех»⁴.

Народ спит, народ темен, говорит Чернышевский, но можно ли надеяться на его пробуждение? При известных условиях, пожалуй, можно. «Люди довольно скоро умнеют, когда замечают, что им выгодно стало поумнеть», — пишет он в «Что делать?».

¹ Устройство быта. Соч., IV, 545—47.

² «Пролог», loc. cit., 91, 116, 120, 121.

³ Ibid., 163—164.

⁴ Ibid., 181.

В своей общественной деятельности отдельные лица могут руководиться идейными или моральными мотивами; массы же, говорит Чернышевский, приходят в движение только под давлением <358> своих материальных интересов. Русский народ всей своей историей приучен к мысли, что он не должен ждать для себя ничего хорошего от высших классов, а когда народ дошел до такой мысли, то он «непременно и скоро сделает вывод, что ему самому надобно взяться за ведение своих дел»¹. Обманутое реформой крестьянство ждет другой, «настоящей» воли, несмотря на все репрессии правительства. Поэтому крестьянское движение неизбежно. А если к этому крестьянскому недовольству присоединится недовольство других классов общим политическим режимом, то произойдет революция, направленная против существующего строя в целом. Чернышевский ссылается на смуту в Польше, на крестьянские волнения внутри России, на появление революционных прокламаций («Великорусс», «К молодому поколению»), на брожение среди университетской молодежи в Петербурге и на конституционное движение среди дворян².

Итак, при всем своем пессимистическом отношении к сознательности и активности русского народа Чернышевский к концу 1861 года начал, по-видимому, допускать возможность широкого крестьянского движения. В этом отношении чрезвычайно характерна его статья «Не начало ли перемены?», написанная по поводу рассказов Н. В. Успенского и помещенная в XI книжке «Современника» за 1861 год. Указывая на то, что Н. Успенский пишет о народе правду без всяких прикрас и что его рассказы свободны от слащавой идеализации народной жизни, Чернышевский объясняет это обстоятельство тем, что в психике русского крестьянства произошла перемена к лучшему. Пока положение русского народа представлялось безнадежным, пока о нем можно было только сожалеть, до тех пор писатели идеализировали его жизнь и изображали его исключительно «несчастливым, несчастным, несчастным». Такое отношение к народу, по мнению Чернышевского, никуда не годится; во всяком случае, оно — объяснялось исключительно безысходностью его положения <359>. Теперь дело очевидно изменилось, и очерки Н. Успенского — очень хороший признак.

«Решимость г. Успенского описывать народ в столь мало лестном для народа духе свидетельствует о значительной перемене в обстоятельствах, о большой разности нынешних времен от недавней поры, когда ни у кого не поднялась бы рука изблещать народ. Мы замечали, что резко говорить о недостатках известного человека или класса, находящегося в дурном положении, можно только тогда, когда дурное положение представляется продолжающимся только по его собственной вине и для своего улучшения нуждается только в его собственном желании изменить свою судьбу. В этом смысле надобно назвать очень отрадным явлением рассказы г. Успенского, в содержании которых нет ничего отрадного».

¹ «Письма без адреса», I. с., 294—5.

² Ibid., 304.

То обстоятельство, что в рассказах Успенского народная масса представляется как бы лишенной умственного развития и сознания человеческого достоинства, ничего не говорит...

... В великие исторические моменты, когда задеты насущные интересы и стремления масс, народ преобразается. «Возьмите самого дюжинного, самого бесцветного, слабохарактерного, пошлого человека: как бы апатично и <360> мелочно ни шла его жизнь, бывают в ней минуты совершенно другого оттенка, минуты энергических усилий, отважных решений. То же самое встречается в истории каждого народа».

NB

И Чернышевский кончает свою статью призывом к интеллигенции идти в народ, для сближения с которым не нужно никаких фантастических фокус-покусов в славянофильском духе, а достаточно простого и непринужденного разговора о его интересах¹.

Приобщить народ к идеям демократии и социализма, — эту великую историческую задачу должно было выполнить новое молодое поколение, выступившее на сцену после разгрома старого режима во время Крымской войны. На это бодрое и смелое поколение возлагал Чернышевский все свои надежды, для него он и Добролюбов писали свои статьи, к нему они обращались с призывами идти в народ. Изображению этих новых людей посвящен роман Чернышевского «Что делать?», написанный в Петропавловской крепости. «Добрые и сильные, честные и умеющие, — обращается к ним Чернышевский в предисловии к роману, — недавно вы начали возникать между нами, но вас уже немало и быстро становится все больше». А когда их станет совсем много, тогда будет очень хорошо...

<361> ...У этих людей стремление к социализму, к установлению царства труда есть естественное человеческое стремление. Их невеста, царица свободы и равенства, подсаживает <362> им магические слова, привлекающие к ним всякое огорченное и оскорбленное существо. Они воздействуют на окружающих, «развивают» их, т. е. внушают им чувство человеческого достоинства и любовь к страждущим (характерно для Чернышевского, что Лопухов, развивая Веру Павловну, дает ей читать сочинения Фурье и Фейербаха). С либералами они расходятся органически; они — пропагандисты новых демократических и социалистических идей: Оуэн для них «святой старик». Они внимательно следят за наукой, интересуются антропологической философией, химическими теориями Либиха, законами исторического прогресса и вопросами текущей политики, организуют кружок, куда входят пара ремесленников и мелких торговцев, пара офицеров, учителя и студенты; устраивают швейные мастерские на коммунистических началах. Но в сущности их идеал — мещанское счастье; их деятельность носит преимущественно культурнический характер; от прямой политической борьбы, от участия в революционных предприятиях они пока воздерживаются и даже боятся ее.

NB

Истинным представителем новых людей и предтечей народных борцов является Рахметов, «особенный человек», как называет его Чернышевский. В Рахметове соединяется беспощадная логика

NB

¹ «Не начало ли перемены?». Соч., VIII, 339—359.

NB || самого Чернышевского с жилкой настоящего революционного агитатора, которой Чернышевский, по-видимому, был лишен.

В этом отношении Рахметов напоминает друга Чернышевского, знаменитого польского революционера Сераковского, которого Николай Гаврилович вывел в «Прологе» под именем Соколовского; но только Рахметов свободен от либеральных увлечений Соколовского. «Агитаторы мне смешны», — говорит Волгин, но в действительности он преклоняется перед ними, чувствует, что в них имеется инстинкт истинных политических деятелей и практическая энергия борцов за народное дело¹.

«365» ...Если Лопуховы и Кирсановы — тип новый, то Рахметов — тип, так сказать, новейший, последнее слово русского общественного развития. Таких людей, по словам Чернышевского, мало; до сих пор он встретил только 8 образцов этой породы, в том числе двух женщин. «Мало их, — заключает Чернышевский свое описание Рахметова, — но ими расцветает жизнь всех; без них она заглохла бы, прокисла бы; мало их, но они дают всем людям дышать, без них люди задохнулись бы. Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней — теин в чаю, букет в благородном вине; от них ее сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли»².

¹ Сераковский был близким человеком в кружке «Современника», биографические сведения о нем помещены отчасти в романе «Пролог», отчасти в брошюре Шаганова «Н. Г. Чернышевский на каторге и в ссылке» со слов Николая Гавриловича. В 1848 г. Сераковский, бывший тогда студентом, приехал на рождественские каникулы на свою родину в Подольскую губернию. В это время среди местной польской шляхты готовилось восстание благодаря слухам о начавшемся движении в Галиции. Сераковский предложил увлекаящимся горячим головам не спешить с решительными выступлениями, пока он сам не съездит на границу и не разузнает, в чем дело. По дороге его схватили и «по подозрению в намерении уехать за границу» сослали рядовым в Оренбургские линейные батальоны — главным образом за открытые и смелые разговоры с военными следователями. В начале нового царствования он был произведен в офицеры, уехал в Петербург и поступил в военную академию, которую и кончил с отличием, а затем был отправлен правительством за границу с какими-то военно-техническими поручениями. В Англии он познакомился с Пальмерстоном, который представил его королеве Виктории. В 1863 г. он примкнул к польскому восстанию, был начальником ковенского революционного отряда, взят в плен и повешен Муравьевым. — Этого замечательного человека и вывел Чернышевский под именем Соколовского в «Прологе». Беспощадный к самому себе, он в романе несколько добродушно подсмеивается и над пылким Соколовским за его оптимизм: «Мы с Болеславом Ивановичем забавны... ждем бури в болоте», — говорит он. Но по всему видно, что он горячо любил и уважал этого бледного энтузиаста с пламенным, влияющим в душу взглядом, рыцаря без страха и упрека, агитатора с практической жилкой, горячим сердцем, но холодной головой, не теряющегося в самые опасные минуты и всегда готового пожертвовать своей жизнью делу народного освобождения. Страницы, посвященные описанию Соколовского, лучшие в романе и отличаются поразительной художественной силой. — В романе Волгин отказывается от сближения с Соколовским ввиду того, что последний, как человек энергичный и самоотверженный, недолго будет оставаться во власти либеральных иллюзий и обязательно ввяжется в какие-нибудь революционные предприятия; вести знакомство с таким человеком небезопасно. В действительности дело обстояло, конечно, не так. Но для Чернышевского характерно, что он конспирирует даже в романе, написанном в далекой ссылке, спустя долгое время после изображаемых в нем событий.

² Полагают, что в лице Рахметова Чернышевский вывел некоего Бахметьева, который у Герцена («Общий фонд». Сборник посмертных статей-

⟨366⟩ Итак, к концу своей литературной деятельности Чернышевский, при всем своем отрицательном отношении к русскому обществу и недоверии к активности народных масс, начал допускать возможность широкого революционного движения, вызванного разочарованием крестьянства в реформе 1861 года. С другой стороны, он мог констатировать наличие новых людей, революционеров из интеллигенции, готовых стать во главе народа в его борьбе с царством эксплуатации и угнетения...

NB

...По какому же пути должно было пойти в России ⟨367⟩ революционное движение с точки зрения Чернышевского?

Выше (в главе VI) мы видели, что по общим своим политическим взглядам Чернышевский стоял близко к бланкизму — к бланкизму не в том смысле, какой это слово получило впоследствии и донныне употребляется в разговорном языке¹, а скорее

Женева, 1874, стр. 181 и сл.) изображен совершенно иначе. Герцен встретился с ним в Лондоне в 1858 г.: приблизительно в это время у Чернышевского Рахметов уезжает за границу. У нашего автора Рахметов за границей является к Фейербаху, чтобы предложить ему деньги на издание его сочинений (кстати, это лишний раз показывает, как высоко Чернышевский ставил Фейербаха, «величайшего из европейских мыслителей XIX века, отца новой философии». «Что делать?», т. 1, с. 194); Бахметьев же приехал в Лондон к Герцену, чтобы предложить ему часть своего капитала на дела русской пропаганды. Вот как Герцен описывает Бахметьева:

NB

«Молодой человек с видом кадета, застенчивый, очень невеселый и с особой наружностью, довольно топорно отделанной, седьмых-восьмых сыновей степных помещиков. Очень неразговорчивый, он почти все молчал; видно было, что у него что-то на душе, но он не дошел до возможности высказать что. Я ушел, пригласивши его дня через два-три обедать. Прежде этого я его встретил на улице.

— Можно с вами идти? — спросил он.

— Конечно, не мне с вами опасно, а вам со мной. Но Лондон велик.

— Я не боюсь, — и тут вдруг, закусивши удила, он быстро ⟨366⟩ проговорил: — Я никогда не возвращусь в Россию, нет, нет, я решительно не возвращусь в Россию...

— Помилуйте, вы так молоды.

— Я Россию люблю, очень люблю; но там люди... Там мне не житье. Я хочу завести колонию на совершенно социальных основаниях; это все я обдумал и теперь еду прямо туда.

— То есть куда?

— На Маркизские острова.

Из имевшихся у него 50 000 франков Бахметьев 30 тысяч взял с собой на Маркизские острова, завязавши их в платке «так, как завязывают футт крыжовнику или орехов», а 20 тысяч оставил Герцену на дела пропаганды: это и был «общий фонд», впоследствии вызвавший столько раздоров среди русской эмиграции. Дальнейшая судьба Бахметьева совершенно неизвестна: он исчез бесследно. В изображении Герцена он выходит каким-то развинченным, чуть не полоумным чудачком, очень мало напоминающим Грозную и суровую фигуру Рахметова. Но и то сказать: Герцен органически неспособен был понять русских революционеров того времени; на этой почве и произошли все те недоразумения, которые отравили последние дни его жизни. Уж если Герцен мог так ложно понять писателей Чернышевского и Добролюбова, что ж удивительного, если он совершенно не понял угловатого и сурового представителя революционной молодежи? Но с другой стороны очень возможно одно из двух иных предположений: или Бахметьев вовсе не послужил прототипом для Рахметова, или же Чернышевский сильно его идеализировал, создавши образ, ничего общего не имеющий с оригиналом, или сочетавши в нем черты из характера Добролюбова (суровое чувство гражданского долга), Бакунина (обезд славянских земель, ср. также Кельсиева), Сераковского (сближение со всеми классами) и т. д.

¹ Образчиком такого поверхностного понимания бланкизма являются рассуждения г. Николаева о политических взглядах Чернышевского. Рас-

в том смысле, в каком понимал его Маркс, когда признавал бланкистов истинными представителями революционного пролетариата. Бланкисты впервые во Франции более или менее точно сформулировали требования рабочего класса и сделали ряд попыток к практическому их осуществлению. То, что эти попытки выразились преимущественно в виде организации боевых тайных обществ и вылились в форму вооруженных восстаний, было совершенно естественно по тогдашним условиям и вполне соответствовало неустойчивому равновесию тогдашней цензитарной Франции и слабой организованности французского пролетариата того времени. Эти же обстоятельства обусловили и другие черты бланкизма, в частности характерное для него преувеличение роли сознательного организованного меньшинства и веру в решающее значение государственной власти, к захвату которой они систематически стремились. Но бланкисты держались <368> той точки зрения, что меньшинство сильно лишь постольку, поскольку оно верно выражает если не стремления, то, по крайней мере, интересы трудящегося большинства.

На этой же точке зрения, единственно возможной для эпох, характеризующихся пассивностью народной массы, по-видимому, стоял и Чернышевский. Он определенно подчеркивал, что без участия народных масс нельзя достигнуть серьезных практических результатов; он говорил, что только сочувствие широких масс способно обеспечить успех той или иной политической программы и что без возбуждения энтузиазма в массах революционные попытки неминуемо обречены на плачевное фиаско. В активность масс, в способность их к широкой политической инициативе он, как мы знаем, мало верил. Но он полагал, что в те исторические периоды, когда задеты насущные интересы этих масс — главным образом интересы экономические, особенно для них близкие, чувствительные и понятные, — они способны приходить в движение и во всяком случае послужить опорой для сознательного меньшинства, склонного к решительной инициативе. Это меньшинство, слившее свое дело с делом народа, должно при благоприятных условиях захватить государственную власть, учредить революционную диктатуру и использовать могучий государственный механизм в интересах народных масс. Законодательные акты, направленные к изменению социальных отношений и опирающиеся на сочувствие большинства, способны видоизменить всю народную пси-

сказавши о своем разговоре с Чернышевским на каторге, во время которого Николай Гаврилович высказал ту мысль, что было бы гораздо лучше, если бы во время крестьянской реформы победила откровенно-крепостническая партия дворянства и крестьяне были бы освобождены без земли, ибо тогда немедленно произошла бы катастрофа, г. Николаев заключает: «Тут, как видите, чистый бланкизм: чем хуже, тем лучше (!). Это совсем не напоминает позднейших теорий наших доморожденных марксистов (которым, к слову сказать, господа Николаевы в свое время именно и приписывали принцип «чем хуже, тем лучше» и которых эти господа именно и обвиняли в сочувствии обезземелению крестьянства.— Ю. С.). Не эволюция, не постепенное освобождение крестьян от средств производства, не вываривание мужика в фабричном котле, не постепенное его превращение в батрака, а полное и сразу произведенное обезземеление. Не эволюция, к которой, повторяю, Н. Г. относился с негодованием (?), а катастрофа. Не марксизм, а бланкизм» («Личные воспоминания», 21—22).— Нечего сказать, хорошее представление о взглядах Чернышевского можно получить из такой тирады!

хику¹. А в таких отсталых странах, как Россия (не забудем: тогдашняя Россия, только начинавшая становиться на путь капиталистического развития), переход государственной власти в руки социалистов может помочь народу, быстро пройдя промежуточные этапы, перейти от низших к высшим, целиком или отчасти минуя стадию капитализма...

⟨369⟩ ...В ряде блестящих статей, посвященных защите общинного принципа от нападок буржуазных экономистов², Чернышевский развил все те аргументы, которые впоследствии составили арсенал народников, усвоивших ⟨370⟩ букву, но не дух великого учителя. Обнаруженная им при этой мастерской защите общины сила логики и глубина чувства прямо поражают читателя и до сих пор придают статьям блестящего полемиста живой интерес. Правда, при этом Чернышевский иногда договаривался до не совсем основательных утверждений, вроде того, что община не только не препятствует прогрессу сельского хозяйства, но напротив именно она благоприятствует этому прогрессу³. Но для него центр тяжести вопроса лежал не в этой плоскости. Даже если допустить, говорил он, что община задерживает развитие производительных сил, она все-таки выгоднее для нации в целом⁴.

Это потому, что община может облегчить переход России к социалистическому строю. На Западе осуществление социализма затруднено психикой и навыками крестьянства, хотя и бедствующего на своей парцелле, но цепко держащегося за частную собственность; там для организации национального хозяйства на началах коллективизма приходится «перевоспитать целые народы». У нас в России лишь $\frac{1}{15}$ или $\frac{1}{20}$ часть земель обрабатываются на правах «полновластной собственности»; подавляющая же масса земель или распределяется для обработки и пользования по общинному началу, или же принадлежит государству, т. е.

¹ «Все общественные явления зависят от законов, управляющих обществом. Говорят: над правами бессильны законы, *vanae leges sine moribus*. Да, закон бывает бессильен, когда обращается единственно против симптомов болезни; но он *всесильен*, когда, достигнув истинную причину зла, законодатель изменяет учреждения, производящие это зло» (Цитированная статья о Бентаме, I. с., стр. 526).

² Назовем главнейшие из этих статей: 1) Рецензия на «Обзор исторического развития сельской общины в России» Чичерина, «Совр.», 1856, 4; 2) Славянофилы и вопрос об общине, «Совр.», 1857, 5; 3) «Studien» Гакстгаузена, «Совр.», 1857, 7; 4) О поземельной собственности, «Совр.», 1857, 9 и 11; 5) Критика философских предубеждений против общинного землевладения, «Совр.», 1858, 12; 6) Суеверие и правила логики, «Совр.», 1859, 10.

³ Соч., III, 192 и сл.; 465 и сл., 472, 478.

⁴ Ibid., 190—191. Здесь приводится известный пример: сравниваются два участка, один с фермерским хозяйством и с высшей производительностью, другой с общим пользованием и с производительностью на 40% меньше; по примерному расчету оказывается, что на втором участке масса населения пользуется почти вдвое большим благосостоянием, хотя масса производимых ценностей почти вдвое больше на первом участке (ибо здесь земледелец и фермеры-капиталисты присваивают себе всю прибавочную стоимость). Вот почему Чернышевский «считает выгодным для нации сохранить общинное пользование на втором участке даже во время того периода, когда оно задерживает успехи производства». Но тут же он спешит оговориться, что в действительности общинное землевладение не служит препятствием прогрессу земледелия, а в частности в России вовсе не община является причиной отсталости сельского хозяйства.

всей нации. Масса народа до сих пор смотрит на землю, как на общинное достояние...

1858, 12))

⟨371⟩ ...Анализу теоретической возможности этого перехода посвящена одна из самых блестящих статей Чернышевского, а именно «Критика философских предубеждений против общинного землевладения». Собственно говоря, ⟨372⟩ Чернышевский, когда писал эту статью, сильно уже разочаровался в возможности осуществить этот переход на практике — в виду того оборота, который приняла крестьянская реформа...

...Но когда Чернышевский убедился, что ни одна из «ниших» гарантий, которые он считал необходимыми ⟨373⟩ предпосылками для дальнейшего развития общинного принципа, не осуществлена, когда он увидел, что старый политический режим остался в полной неприкосновенности, что проведение крестьянской реформы передано в руки бюрократии и дворянства, что народ не только не получил всей земли, но даже был лишен значительной части прежних своих угодий, а за предоставленную в его распоряжение землю на него был наложен высокий выкуп, — одним словом, когда он понял, что «великая реформа» грозит скорее ухудшить, чем улучшить положение народных масс, не раскрепостить их, не предоставить полный простор их творческим силам, а сковать их еще более тяжелыми цепями, тогда он признал, что его надежды были неосновательны, его построения абстрактны, а вся кампания в пользу общины, как возможного зародыша социалистического строя, была сплошным недоразумением. И по своей честности он поспешил открыто признать это.

«Предположим, — говорит он с помощью своего «любимого способа объяснений», — что я был заинтересован принятием средств для сохранения провизии, из запаса которой составляет ваш обед. Само собою разумеется, что если я это делал из расположения собственно к вам, то моя ревность основывалась на предположении, что провизия принадлежит вам и что приготовленный из нее обед здоров и выгоден для вас. Представьте же себе мои чувства, когда я узнаю, что провизия вовсе не принадлежит вам и что за каждый обед, приготовляемый из нее, берутся с вас деньги, которых не только не стоит самый обед, но которых вы вообще не можете платить без крайнего стеснения. Какие мысли приходят мне в голову при этих столь странных открытиях? „Человек самолюбив“, и первая мысль, рождающаяся во мне, относится ко мне самому. „Как был я глуп, что хлопотал о деле, для полезности которого не обеспечены условия! Кто, кроме глупца, может хлопотать о сохранении собственности в известных руках, не удостоверившись прежде, что собственность достанется в эти руки и достанется на выгодных условиях?“. Вторая моя мысль о вас, предмете моих забот, и о том деле, ⟨374⟩ одним из обстоятельств которого я так интересовался: „лучше пропадай вся эта провизия, которая приносит только вред любимому мной человеку! лучше пропадай все дело, приносящее вам только разочарование!“ Досада за вас, стыд за свою глупость — вот мои чувства!»¹.

¹ Смысл этой притчи ясен: выгодное для массы решение аграрного вопроса предполагает предварительное совершение политического переворота. После реформы 1861 г. эта мысль сделалась общим достоянием всех демократически настроенных элементов.

Но на прощание Чернышевский концентрирует свои аргументы в пользу того утверждения, что русская община может *при благоприятных условиях* послужить исходным пунктом социального развития. Этим он как бы старается внушить своим сторонникам ту мысль, что если бы им удалось побороть темные силы, стоящие поперек пути русскому народу и препятствующие свободному его творчеству, дело трудящихся, быть может, не было бы проиграно бесповоротно...

⟨375⟩... Но при этом естественно возникает вопрос: должно ли каждое отдельное проявление общего процесса проходить в действительности все логические моменты с полной их силой, или же обстоятельства, благоприятные ходу процесса в данное время и в данном месте, могут в действительности приводить его к высокой степени развития, совершенно минуя средние моменты или, по крайней мере, чрезвычайно сокращая их продолжительность и лишая их всякой осязательной интенсивности? Другими словами, может ли русская община при известных условиях прямо перейти в высшую стадию, минуя промежуточную стадию капитализма?

Таков был «проклятый вопрос» тогдашней русской жизни, мучительно интересовавший Чернышевского и современное ему поколение социалистов и демократов...

⟨378⟩... Принужденные строить свое теоретическое здание из тех материалов и на том фундаменте, которые предлагались им тогдашней ⟨379⟩ действительностью, шестидесятники-социалисты в своих стремлениях и надеждах на предстоящее крестьянское восстание в сущности отражали смутные стремления и чаяния многомиллионной крестьянской массы и давали им только, так сказать, обобщенное выражение.

«Так сложилась окончательно национальная форма русского социализма, которая красной нитью проходит через все последующие теоретические построения русских социалистов, и, осложняясь различными побочными влияниями, получая каждый раз новые дополнения и поправки под влиянием развивающейся жизни, дает различные теоретические формулировки, в которых все-таки ясно проглядывает основное зерно русского социализма, т. е. надежда на близкое всеобщее восстание крестьянства, одним разом устранившее и гнет абсолютизма, и зачатки капитализма»¹.

¹ В этом смысле Чернышевского, конечно, можно признать одним из родоначальников народничества, поскольку последнее характеризуется между прочим верой в то, что Россия минует стадию капитализма. Но с этой стороны народничество можно возводить и к Герцену, и еще выше. Следует, однако, вспомнить, что широкий и трезвый ум Чернышевского был чужд герценовской исключительности, что наш автор и не думал ставить крест над европейской культурой, якобы насквозь пропахшей «мещанством», и что он признавал переход от общины к социализму лишь одной из возможностей, да и то мало вероятной и требующей для своего осуществления степеня особенно благоприятных обстоятельств. В наличность последних он уже к концу 1858 г. не верил. С другой стороны, Чернышевский в силу присущего ему скептицизма мало верил в революционную активность русского народа (в частности крестьянства). В этом отношении предтечей народничества можно скорее назвать Добролюбова, от которого и исходит первый призыв к «схождению в народ». У Чернышевского скорее были все задатки к тому, чтобы сделаться в России первым провозвестником критического или научного социализма; но его трагедия в том и заключается, что когда настало время его понять и оценить, он уже устарел и в значительной степени оказался лишь материалом для исторического исследования. «Я чужой своему народу» — вот где драма!

NB

NB

не только

К концу 1861 года такое восстание крестьянской массы считалось вероятным, и такие надежды питали не одни горячие молодые головы. Условия, при которых состоялось освобождение крепостных, создавали, по-видимому, благоприятную почву для такого стихийного взрыва и, по свидетельству <380> современников, всеобщее восстание крестьянства против тогдашнего государственного порядка и господствующих классов допускалось тогда всеми, начиная от правительства и кончая революционерами, «нигилистами». Герцен пишет: «Б. (Бакунин) верил в возможность военно-крестьянского восстания в России, верили отчасти и мы; да верило и само правительство, как оказалось впоследствии рядом мер, статей по казенному заказу и казней по казенному приказу. Напряжение умов, брожение умов было неоспоримо, никто не предвидел тогда, что его свернут на свирепый патриотизм»¹. Об этом же настроении свидетельствует и участник тогдашнего революционного движения, Л. Пантелеев: «Настроение общества (в конце 1861 г.) было крайне приподнятое; куда ни придешь, везде шум, говор, оживленные споры, а главное — всеобщее ожидание чего-то крупного и даже в ближайшем будущем»².

И здесь действовали даже не чисто русские условия. Во всей Европе воздух был насыщен электричеством. Гарибальди, кумир тогдашних русских радикалов, готовился к своему крестовому походу на Рим. В Пруссии происходил конституционный конфликт, который, как казалось, должен был привести к революционному взрыву. В Австрии абсолютизм после своего поражения во время итальянской войны 1859 г. не успел еще прийти в себя, а тут снова начиналось революционное брожение в Венгрии. В самой Франции, которую Чернышевский называл «вулканом Европы», правительство принуждено было ослабить вожжи, усилилась либеральная партия и появились первые симптомы возрождающейся республиканской агитации. Польша волновалась, готовясь снова восстать за свое национальное бытие. Одним словом, казалось, что тяжелая ночь реакции, опустившаяся над Европой после подавления революции 1848 г., начинает уступать место новому рассвету.

При всем своем скептицизме Чернышевский отличался <381> слишком здоровым чувством, чтобы не допустить возможности освежительной грозы, которая на этот раз должна была захватить и Россию. Если все прежние европейские революции разбивались о русскую границу и только вели к усилению реакции внутри России, теперь, когда в самой России появились некоторые активные революционные элементы и — главное, когда самая толща народных низов начала, по-видимому, обнаруживать недовольство своим положением, дело должно было измениться. С уверенностью этого нельзя было сказать, но некоторая вероятность тут была³. Налицо имелись: сильное и нежелавшее ни с кем де-

¹ Сборник посмертных статей, стр. 212.— Герцен имеет в виду взрыв шовинизма, охвативший русское общество во время польского восстания ввиду попыток европейской дипломатии вмешаться в это дело.

² «Из воспоминаний прошлого», ч. 1. СПб., 1905, 188; 228.

³ Г-н Николаев пытается охарактеризовать тогдашнее настроение Чернышевского в следующих выражениях: «Катастрофа вскоре немислима (точ-

литься властью правительство, воспитанное на традициях николаевской эпохи — с одной стороны; всеобщее брожение на Западе, глухое недовольство крестьянской массы и либерального общества в России, наконец, первые зародыши русской революционной партии — с другой. Ввиду таких условий необходимо было сделать попытку. Исход ее в значительной мере будет зависеть «от различной группировки элементов власти»¹. Если революционной партии удастся воспользоваться замешательством правительства и недовольством широких масс, то при общеевропейской революции, которая в большей или меньшей степени будет окрашена социалистическим цветом, и при наличии общинного землевладения России удастся, быть может, сильно приблизиться к социализму. Если же революционная партия не успеет добиться своей цели, если результатом революции будет только завоевание политической свободы, то и в таком случае выигрыш будет большой².

нее было бы сказать: мало вероятно. — Ю. С.), но долг мыслящего и последовательного человека — стремиться к ней и делать все возможное для ее приближения. Поменьше фраз и теорий и побольше *действий*» (1. с., 23). — Вот

NB

только насчет «теорий» мы несколько сомневаемся: теоретик Чернышевский вряд ли относился к «теориям» с таким пренебрежением, как г. Николаев. Но энергию он действительно рекомендовал... раз нужно приступать к делу.

¹ Шаганов — Чернышевский на каторге и в ссылке, стр. 8.

² В конце 1871 г. Чернышевский, прощаясь с молодыми товарищами по каторге, изложил им нечто вроде своей политической <382> profession de foi, которую Шаганов передает так: «Он говорил нам, что со времени Руссо во Франции, а затем и в других европейских странах демократические партии привыкли идеализировать народ, — возлагать на него такие надежды, которые никогда не осуществлялись, а приводили еще к горшему разочарованию. Самодержавие народа вело только к передаче этого самодержавия хоть Наполеону I и, не исправленное этой ошибкой, многократно передавало его плебисцитами Наполеону III. Всякая партия, на стороне которой есть военная сила, может монополизировать в свою пользу верховные права народа и, благодаря ловкой передержке, стать якобы исключительной представительницей и защитницей нужд народа, — партией преимущественных народняков. Он, Чернышевский, знает, что *центр тяжести лежит именно в народе*, в его нуждах, от игнорирования которых погибает и сам народ, как нация или как государство. Но только ни один народ до сих пор не спасал сам себя (такую же мысль незадолго до смерти высказал и Белинский. — Ю. С.) и даже, в счастливых случаях приобретая себе самодержавие, передавал его первому пройдохе. Это — переданное или переданное, а древле благоприобретенное — самодержавие уже не так-то легко переходит к кому-либо другому. Становясь душеприказчиком своего народа, оно именно распорядится им, как мертвым, и с имуществом народа поступает по своему благоусмотрению. И тогда горе тому, кто захотел бы будить этого мнимо умершего, — вмешиваться в его хозяйственные дела! По пути душища и слово, и совесть, ибо из этих вещей выходят разные пакости для власти... И как заключенному в тюрьме обойти своего тюремщика? Не прежде ли всего он единственно с ним должен иметь дело? Какой тюремщик по доброй воле позволит заключенному делать воззвание к разрушению тюрьмы? Конечно, формы — вещь ненадежная. Можно при всяких формах выстроить крепкий острог для трудолюбивого земледельца. С другой стороны, быть может, и хорошо, что формы ненадежны. При них всегда возможна борьба партий и победа одной партии другою, — и на практике победа всегда прогрессивная. *Страшнее всего — бесформенное чудовище, всепоглощающий Левиафан*. Чернышевский еще прежде говорил, что не так бы пошла история нашей родины, если бы при воцарении Анны партия верховников восторжествовала. Ни одна партия не может не делиться властью ради своего же собственного спасения... При власти партий все же более вероятности сделать что-нибудь в пользу народа, чем при отсутствии всяких политических форм, а следовательно, и всякой возможности предпринять что-либо в указанном направлении» (Шаганов, 1. с., 28—29). — Это не совсем похоже на народничество с его политическим индифферентизмом и с презрением к конституционным формам.

ЛВ

Соловьевич. В 1862 г. в него вступило несколько студентов, в том числе Н. Утин и Л. Пантелеев, автор довольно неполных воспоминаний об этой организации. Впрочем, весьма возможно, что общество «Земля и воля» как определенная организация именно и возникло после того собрания, которое состоялось на квартире Утина весной 1862 г. и о котором рассказывает Пантелеев¹. Инициатор собрания, хороший знакомый Чернышевского («господин в пенсне»), сообщил новичкам о существовании центрального комитета, но весьма вероятно, что это был просто-напросто миф, присочиненный для пущей важности, и что никакого комитета не существовало. Во всяком случае весьма характерно, что когда Утин по окончании собрания задал Пантелееву вопрос: «Как ты полагаешь, Николай Гаврилович — член комитета?», — Пантелеев без колебаний ответил: «Не думаю, он слишком кабинетный человек». Через некоторое время оба юные прозелита революции решили позондировать самого Чернышевского. Не объявляя ему открыто о своем вступлении в общество, они вели речь разными обиняками, говорили о необходимости устраивать кружки между молодежью, и притом кружки с общественным направлением. Но Чернышевский, хотя и высказывал одобрение этим планам, оставался однако непроницаем, при этом хорошо отозвался о «господине в пенсне» и <385> рассказал басню Эзопа о медведе, который порвал дружбу с человеком за то, что тот в одном случае дул на огонь, чтобы он хорошенько разгорался, а в другом — с целью погасить его².

Во всяком случае, хотя мысль о возможной руководящей роли Чернышевского в «Земле и воле» очень «анкуражировала» ее молодых сочленов, но ни в то время, ни в последующее Пантелеев, один из самых активных членов общества, не имел никаких данных для того, чтобы с уверенностью допустить участие в этой организации Николая Гавриловича.

Столь же сомнительно, чтобы Чернышевский был одним из авторов конституционного подпольного листка «Великоруссе». Всего

вышло 3 номера этой газеты между июлем и сентябрем 1861 года. Правда, многие мысли, высказанные в «Великоруссе», соответствовали некоторым мыслям Чернышевского, но только некоторым. Оценка крестьянской реформы, требование политической свободы и учредительного собрания, желание предоставить Польше и Малороссии политическую самостоятельность, а крестьянам всю гонимую в их распоряжении землю с отнесением выкупа на счет государства — все это, конечно, близко напоминает взгляды Чернышевского, но полное отсутствие социалистического элемента в «Великоруссе» и пропаганда идеи адреса царю о даровании свобод как-то не вяжутся со всем тем, что всегда проповедовал Николай Гаврилович. Конечно, можно предположить, что в данном случае Чернышевский руководился тактическими соображениями, избегая сразу развернуть всю свою программу, чтобы не отпугнуть умеренно-либеральных слоев общества, но этому опять-таки противоречит все то, что мы знаем об отношении Чер-

¹ «Из воспоминаний прошлого», ч. I, стр. 252 и сл.

² Пантелеев не объясняет, какой смысл имела тогда эта притча. Быть может, Чернышевский хотел дать понять молодежи, что если раньше он удерживал ее от революционных конспираций, то впредь он не намерен этого делать.

нышевского к либерализму вообще и к русскому либерализму, в частности. Во всяком случае сторонники того взгляда, что Николай Гаврилович был чуть ли не редактором «Великорусса», должны были бы привести хоть <386> какие-либо фактические доказательства своего утверждения, но до сих пор этого сделано не было, и рассуждения их не выходят из области догадок¹...

<387> ... К кружку московских «якобинцев» Зайчневского и Аргиропуло, выпустившему за подписью «Центральный Революционный Комитет» прокламацию «Молодая Россия»², Чернышевский относился прямо отрицательно. Несмотря на антибуржуазное содержание этой прокламации, наделавшей в свое время столько шума, на разоблачение ею либеральных иллюзий Герцена и «Великорусса», на отказ от каких бы то ни было компромиссов с существующим политическим и экономическим строем, на определенно революционный и даже социалистический ее характер, Чернышевскому она решительно не понравилась. Вероятно, он был недоволен ее несерьезностью, декламаторским и кровожадным тоном, тем более, что, появившись одновременно с петербургскими пожарами, она подала врагам демократии повод

¹ Лемке в статье «Процесс великоруссцев» («Былое», 1906, № 7) ссылается на свидетельство Стахевича, сосланного в начале 60-х годов по другому политическому делу и прожившего с Чернышевским несколько лет в Сибири. «Я заметил,— сообщает Стахевич («Закаспийское обозрение» 1905, № 143),— что Чернышевский с явственным сочувствием относится к листкам, выходявшим в неопределенные сроки под заглавием „Великорусс“; вышло, помнится, три номера. Слушая разговоры Николая Гавриловича, я иногда замечал, что и содержание мыслей, и способ их выражения сильнейшим образом напоминают мне листок „Великорусс“, и я про себя решил, что он был или автором, или, по меньшей мере, соавтором этих листков, проповедовавших необходимость конституционных преобразований». Пантелеев на этот счет выражается довольно осторожно. Упомянув о некоем Захарьине, который «по некоторым указаниям принимал непосредственное участие, кажется, в „Великоруссе“», он прибавляет в примечании: «Близость Захарьина с Чернышевским дает мне основание думать, что Ник. Гавр. был, может быть, не совсем чужд делу „Великорусса“». К тому же манера говорить с публикой, стиль „Великорусса“ очень напоминает Н. Г. В 90-х годах покойный А. А. Рихтер говорил мне, что, по его сведениям, одним из главных членов кружка, выпустившего „Великорусс“, был давно умерший Лугинин. Кажется, он выведен Чернышевским в „Прологе пролога“ под именем Нивельзина» («Из воспоминаний», ч. I, 327). В. Обручев, молодой офицер, осужденный по делу «Великорусса» на каторгу, был очень близок к Чернышевскому; по словам Пантелеева, он был даже любимцем Николая Гавриловича. На основании вышеприведенных фактов г. Кульчицкий решительно утверждает, что инициатором, редактором и руководителем „Великорусса“ был не кто иной, как Чернышевский (Ист. рев. движ., стр. 256). Утверждение слишком смелое и рискованное. Баллод, один из организаторов тогдашних тайных типографий, категорически отрицает близость Чернышевского к издательству «Великорусса» (цит. у Денисюка, вышеуп. брошюра, стр. 149). Дать материалы для решения этого спорного вопроса мог бы теперь г. Обручев, который после отбытия наказания снова поступил на службу и дослужился до генеральского чина, но на обращенный к нему запрос Лемке генерал отказался представить какие-либо разъяснения.

² Эта прокламация напечатана во 2-м приложении к сборнику «Госуд. преступления в России», изд. за границей В. Базилевским (Богучарским), «Материалы для истории рев. движения в России в 60-х годах», Париж, 1905, стр. 56—63; отчасти у Лемке «Полит. процессы», 94—104.

обвинять революционеров в учинении поджогов с целью вызвать смуту. Чернышевский чрезвычайно сухо принял приехавшего к нему делегата от московского кружка и отказался взять доставленные ему для распространения экземпляры прокламации. Но затем он как будто стал сожалеть о том, что оттолкнул от себя людей, быть может, экспансивных и увлекающихся, но горячо преданных народным интересам, решительных и в идейном отношении близко к нему стоящих. Он решил выпустить прокламацию <388> «К нашим лучшим друзьям», которая должна была рассеять недоразумения между ним и москвичами; но скорый арест помешал ему выполнить это намерение. Так рассказывает Пантелеев со слов Н. Утина¹. А Лемке со слов С. Южакова, слышавшего этот рассказ от И. Гольц-Миллера, члена московского кружка, сообщает, что Чернышевский отчасти осуществил свое намерение. А именно он послал в Москву видного революционного деятеля того времени и одного из основателей «Земли и воли», А. А. Слепцова², с тем, чтобы уговорить комитет как-нибудь сгладить крайне неблагоприятное впечатление, произведенное на общество «Молодой Россией». Успел ли посланец в своей миссии, с точностью неизвестно, но возможно, что убеждения Чернышевского повлияли на москвичей. По крайней мере, при обыске у Баллода найдена была рукопись прокламации, под заглавием «Предостережение», являющейся как бы удовлетворением желания Чернышевского. Но принадлежала ли эта прокламация действительно деятелям Центрального Революционного Комитета, до сих пор точно установить нельзя³.

Столь же темным остается вопрос об отношении Чернышевского к М. Михайлову и, в частности, к его революционному предприятию, т. е. к распространению известной прокламации «К молодому поколению». Текст этой прокламации написан был Н. Шелгуновым, Михайлов же напечатал ее в Лондоне у Герцена и провез в Россию заклеенной в дно чемодана. Знал ли Чернышевский о затее Шелгунова и Михайлова, неизвестно; но что по приезде в Петербург он был посвящен в это дело, Пантелеев утверждает категорически. Раз в присутствии Михайлова к Чернышевскому пришел один из сотрудников «Современника», пользовавшийся доверием Николая Гавриловича. Пришедший между прочим высказал мысль, что следовало бы печатать за границей подпольные издания, а затем доставлять их в Россию. Когда Михайлов ушел, <389> Чернышевский сказал гостю: «Да ведь вы попали не в бровь, а прямо в глаз: Михайлов именно это и сделал»⁴.

Но отсюда еще не следует, что Чернышевский одобрял предприятие Михайлова или был с ним солидарен...

...Во всяком случае, ясно одно: если Чернышевский сам и не принимал активного участия в различных проявлениях начинав-

¹ «Из воспоминаний», ч. I, 269—270.

² Не его ли изображает г. Пантелеев под именем «господина с пенсне»? См. «Из воспоминаний», ч. I, гл. XXIV: «Земля и воля».

³ Лемке — «Политические процессы», стр. 109 и сл.

⁴ «Из воспоминаний», ч. I, 330—331.

NB

пегося тогда революционного движения, то он всеми ими живо интересовался, о многих знал ¹, а некоторыми даже идейно руководил.

Был ли Чернышевский автором воззвания «К барским <390> крестьянам»? Лемке и Русанов думают, что был ². Мы скажем: ты, господи, веши! Пантелеев сообщает со слов Михайловского, который слышал этот рассказ от Шелгунова, что в зиму 1861 года Чернышевский написал прокламацию «К народу»; эту прокламацию Шелгунов переписал измененным почерком и отдал ее М. Михайлову, который передал ее Всеволоду Костомарову (о нем ниже) для напечатания ³. Очевидно, речь идет о прокламации «К барским крестьянам». Если даже допустить, что первую половину ее писал Чернышевский (хотя прямых указаний на это ни Лемке, ни Русанов не приводят никаких; сходство слога и содержания ничего не доказывает, как мы уже говорили выше), — итак, если даже допустить, что первая половина прокламации составлена Чернышевским, то вторая половина наверно написана не им. Никогда бы Чернышевский не позволил себе рассказывать народу, что во Франции и в Англии (в 1861 году) полковники и генералы ломали шапки перед мирским старостой и что народ сменил неугодных ему царей; он не стал бы говорить, что англичане и французы хорошо живут, что суд там праведный и равный для всех, и т. п. ⁴ Впрочем, и Русанов, <391>

¹ О широкой осведомленности Чернышевского в этой области свидетельствует следующий сам по себе мелкий факт, сообщаемый Пантелеевым: «Меня раз крайне поразило, как, должно быть, в апреле (1862 г.), он обратился ко мне с вопросом: по каким соображениям я возражал в сентябре 1861 г. в студенческом комитете против некоторых слишком резких предложений?» («Из восп.», ч. 2, 179).

² Лемке. «Полит. процессы», 194, 335—6; Русанов, loc. cit., 327.

³ Пантелеев. «Из воспоминаний», ч. 2, 181.

⁴ Текст воззвания см. у Лемке, I. с., стр. 336—346. — Начинается оно словами: «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон. Ждали вы, что даст вам царь волю, — вот вам и вышла от царя воля». Далее идет убийственная критика реформы 1861 года с точки зрения крестьянских интересов, и постепенно читатель подготавливается к критике самодержавного строя как основного фактора народных бедствий. Автор прокламации старается оперируя фактами, подорвать «царскую легенду». Выясняется значение политической свободы и необходимость борьбы за нее. Далее доказывается солидарность интересов всех слоев крестьянства, в частности бывших помещичьих и государственных крестьян, и солидарность интересов народа и солдат, которые должны сильно выиграть от революции. Указывается на необходимость организации в народных массах, — «надо мужикам всем промез себя согласие иметь, чтобы заодно быть, когда пора будет». А покуда эта пора не пришла, следует воздерживаться от частичных выступлений и напрасной траты сил. Когда установится единодушие среди народа, революционеры подадут ему сигнал к открытию военных действий. «Тогда и пришем такое объявление, что пора, люди русские, доброе дело начинать, что во всех местах в одну пору начнется доброе дело, потому что везде тогда народ готов, и единодушие в нем есть, и одно место от другого не отстанет. Тогда и легко будет волю добыть. А до той поры готовься к делу, а сам виду не показывай, что к делу подготавливание у тебя идет». Написанная ясно и вразумительно, прокламация эта, так и не увидавшая света, удачно заканчивается следующей прибауткой: «Печатано письмецо это в славном городе Христиании, в славном царстве шведском, потому что в русском царстве царь печатать правды не велит. А мы все — люди русские и промез вас находимся, только до поры до времени не открываемся, потому что на доброе дело себя бережем, как и вас просим, чтоб вы себя берегли. А когда пора будет за доброе дело приваться, тогда откроемся».

ятно по этимъ же соображеніямъ, предполагаетъ, что воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ“ вышло изъ-подъ пера Чернышевскаго не цѣликомъ.

Сопоставляя все, что намъ извѣстно о жизни Чернышевскаго, о его характерѣ и взглядахъ, мы въ концѣ концовъ не рѣшаемся категорически отвѣтить на вопросъ о непосредственномъ его участіи въ революціонномъ движеніи. Вѣрнѣе всего, что непосредственно онъ въ немъ не участвовалъ; но что онъ знаетъ о всѣхъ существенныхъ проявленіяхъ тогдашняго революціоннаго движенія, что непосредственные участники послѣдняго совѣщались съ нимъ и считались съ его указааніями, что, во всякомъ случаѣ, они почерпали изъ бесѣдъ съ нимъ и изъ его сочиненій убѣжденіе въ необходимости практическихъ попытокъ, къ которымъ самъ Чернышевскій по нерѣшительному и вялому складу своего характера, по своей непрактичности и книжности, быть можетъ, не былъ способенъ ¹⁾,—это врядъ ли подлежитъ сомнѣнію. Чернышевскій былъ знакомъ съ большинствомъ тогдашнихъ революціонныхъ дѣятелей, какъ В. Обручевъ, Н. Серно-Соловьевичъ, М. Михайловъ, Пантелѣевъ, Слѣпцовъ, Н. Утинъ, Сѣраковскій, Юсафатъ Огрызко и т. д.; онъ пользовался огромнымъ вліяніемъ на демократическіе элементы русскаго общества и былъ кумиромъ революціонной молодежи. Къ каждому слову его прислушивались съ величайшимъ вниманіемъ, почерпая изъ его статей практическія указанія и ненависть къ социальной

тому что веадѣ тогда народъ готовъ, и единокущіе въ немъ есть, и одно мѣсто отъ другого не отстанетъ. Тогда и легко будетъ волю добыть. А до той поры готовься къ дѣлу, а самъ виду не показывай, что въ дѣлу подготовленіе у тебя идетъ“. Написанная ясно и вразумительно, прокламація эта, такъ и не увидавшая свѣта, удачно заканчивается слѣдующей прибауткой: „Печатано письмецо это въ славномъ городѣ Христіаніи, въ славномъ царствѣ шведскомъ, потому что въ русскомъ царствѣ царь печатать правды не велитъ. А мы вои—люди русскіе и промежь васъ находимся, только до поры до времени не открываемся, потому что на доброе дѣло себя бережемъ, какъ и васъ просимъ, чтобъ вы себя берегли. А когда пора будетъ за доброе дѣло приняться, тогда откроемся“.

¹⁾ Къ Чернышевскому, быть можетъ, примѣнимы слова, сказанныя имъ о Неккерѣ: „Онъ явился тѣмъ болѣе нерѣшительнымъ и смущенъ, чѣмъ дальновиднѣе былъ его взоръ: нерѣшительность—слабая сторона проицательности“ (Турго, I. с., 231).

вероятно по этим же соображениям, предполагает, что воззвание «К барским крестьянам» вышло из-под пера Чернышевского не целиком.

?? Сопоставляя все, что нам известно о жизни Чернышевского, о его характере и взглядах, мы в конце концов не решаемся категорически ответить на вопрос о непосредственном его участии в революционном движении. Вернее всего, что непосредственно

- 1) он в нем не участвовал; но что он знал о ||всех|| существенных проявлениях тогдашнего революционного движения, что непосредственные участники последнего советались с ним и считались с его указаниями, что, во всяком случае, они почерпали из бесед с ним и из его сочинений убеждение в необходимости практических попыток, к которым сам Чернышевский по нерешительному и вялому складу своего характера, по своей непрактичности и книжности, быть может, не был способен¹, это вряд ли подлежит сомнению.

NB

Чернышевский был знаком с большинством тогдашних революционных деятелей, как В. Обручев, Н. Серно-Соловьевич, М. Михайлов, Пантелеев, Слепцов, Н. Утин, Сераковский, Иосафат Огрызко и т. д.; он пользовался огромным влиянием на демократические элементы русского общества и был кумиром революционной молодежи. К каждому слову его прислушивались с величайшим вниманием, почерпая из его статей практические указания и ненависть к социальной <392> эксплуатации и политическому угнетению. С нетерпением ожидали выхода очередной книжки «Современника», тираж которого благодаря сотрудничеству Чернышевского и Добролюбова дошел в 1860—61 году до 6¹/₂ тысяч экземпляров, — цифра по тому времени огромная². Хотел ли этого Чернышевский или нет, воздерживался ли он от какого-нибудь подстрекательства, как рассказывает Пантелеев, и пользовался каждым подходящим случаем, чтобы подчеркнуть трудности, ожидающие революционеров, и силу и хитрость врагов, его сочинения будили совесть и властно толкали к борьбе за народное освобождение. В этом смысле можно сказать, что Чернышевский был идейным вождем и вдохновителем тогдашнего революционного движения. Правительство могло бы, пожалуй, еще обвинить его в знаниях и недонесении. А знал он, конечно, много, вероятно — всё...

¹ К Чернышевскому, быть может, применимы слова, сказанные им о Неккере: «Он явился тем более нерешителен и смущен, чем дальновиднее был его взор: *нерешительность — слабая сторона проницательности*» («Турго», I. с., 231).

² С каким благоговением молодежь относилась к своему кумиру, видно между прочим из воспоминаний Ашенбреннера, рассказывающего о влиянии Н. Г. на воспитанников кадетского корпуса: «Добролюбова мы читали и читали, но Чернышевский имел на нас более сильное и прямое влияние. Его мы знали наизусть, его именем клялись как правоверный магометанин клянется Магометом, пророком Аллаха» («Наша жизнь», 1905, № 200; цит. у Малышенко, Р. М. 1906, № 6, 73). В провинции собирались сходки для прочтения свежей книжки «Современника» со статьями Добролюбова и Чернышевского. О влиянии Чернышевского на таких писателей, как Решетников, Помяловский, отчасти даже Некрасов, достаточно известно. Биограф Помяловского, Н. Благовещенский, сообщает, что автор «Бурсы» почти воспитался на «Современнике», и т. д., и т. д.

Глава IX

АРЕСТ, СУД И ССЫЛКА ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Не говори: «Забыл он осторожность.
Он будет сам своей судьбы виной».
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.
Но любит он возвышенной и шире,
В его душе нет помыслов мирских,
Жить для себя возможно только в мире,
Но умереть возможно для других.
Так мыслит он, и смерть ему любезна.
Не скажет он, что жизнь ему нужна,
Не скажет он, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна...
Его еще покамест не распяли,
Но час придет — он будет на кресте.
Его послал бог гнева и печали
Рабам земли напомнить о Христе.

Некрасов¹.

⟨393⟩ ... Правительство смотрело на Чернышевского, как на главного идейного, а быть может, и материального руководителя начинавшегося революционного брожения. Он имел неосторожность задеть материальные интересы господствующих классов, и с этого момента его можно было считать обреченным на гибель. Вопрос заключался только в том, когда правительству угодно будет наложить свою руку на родоначальника русского социализма. После студенческих беспорядков 1861 года, начавшегося брожения в Польше и знаменитых петербургских пожаров правительство сочло удобным приступить к действиям, и 12 июня 1862 года Чернышевский был арестован.

Этому аресту предшествовала ожесточенная травля Чернышевского в реакционной и либеральной прессе, развязывавшая

правительству руки для решительных действий и подстрекавшая его к репрессивным мерам против духовного вождя «нигилистов». Катков доносил на ⟨394⟩ «Современник», как на гнездо революции, а «Московские ведомости» после пожара Щукина рынка утверждали, что поджог произведен поляками и русскими нигилистами, действовавшими по поручению Чернышевского. После майских пожаров Петербург был охвачен каким-то пароксизмом реакционного бешенства. Люди, вчера еще восторгавшиеся статьями Чернышевского в пользу крестьян, отрекались от него, примыкая к общему реакционному воплю: «Распни его!»...

... Чернышевского все считали человеком, который пользуется громадным влиянием в революционных кругах. Достоевский в своем «Дневнике писателя» сообщает, что в 1862 году он сам отправился к Чернышевскому и убеждал его повлиять на составителей прокламации «К молодому поколению» и удержать их от революционных крайностей. В романе «Пролог пролога» Чернышевский с добродушной иронией сам рассказывает, как самый обычный его поступок истолковывался либеральными сплетниками (Рязанцев-Кавелин) в смысле важного революционного пред-

NB

¹ Это стихотворение, которому Некрасов для цензуры дал заглавие «Пророк» (из Барбье), первоначально (1874 г.) было озаглавлено просто: «Н. Г. Чернышевский». См. Лемке, I. с., 195.

приятия (мнимая посылка эмиссара к Герцену). Так же смотрела на Чернышевского и администрация...

NB ||| <395> ...Помимо литературных доносов Чернышевский получал еще анонимные угрожающие письма. Одно из них, посланное каким-то помещиком, полно злобной брани и угроз против проповедника «грязной демократии» и «социализма, признанного наукой несчастным произведением больного ума». Воспаленному мозгу испуганного крепостника Чернышевский представляется не иначе, как с ножом в руках, в крови по локоть, а кончается письмо следующим знаменательным заявлением: «Считаем не лишним заметить вам, г-н Чернышевский, что мы не желаем видеть на престоле какого-нибудь Антона Петрова и, если действительно произойдет кровавое волнение, то мы найдем вас, Искандера или кого-нибудь из вашего семейства, и, вероятно, вы не успеете еще заpastись телохранителями»¹.

Sicr

Само собою разумеется, что, кроме литературных доносов и угрожающих писем, на Чернышевского поступал еще ряд доносов в III Отделение. 5 июня 1862 года туда поступил такой анонимный донос, не оставшийся, вероятно, без влияния на арест Чернышевского. Приводим некоторые извлечения из этого любопытного исторического документа. «Что вы делаете? Пожалейте Россию, пожалейте царя! Вот разговор, слышанный мною вчера в обществе профессоров. Правительство запрещает всякий вздор печатать, а не видит, какие идеи проводит Чернышевский; это коновод юношей; направление корпусных юношей дано им; это хитрый социалист; он мне сам сказал (говор. <396> проф.), что „я настолько умен, что меня никогда не уличат“. За пустяки послали Павлова и много других промахов делаете, а этого вредного агитатора терпите. Неужели не найдете средств спасти нас от такого зловредного человека!.. Теперь, видя его тенденции уже не на словах, а в действиях, все весьма либеральные люди, настолько

||| благообразные, что они сознают необходимость существования у нас монархизма, отделились от него и убеждены, что ежели вы не удалите его, то быть беде — будет кровь; ему нет места в России — везде он опасен, разве в Березове или Гижигинске; не я говорю это, — говорили ученые, дельные люди, от всей души желающие конституции²... А крови не минуете и нас всех стукните — это шайка бешеных демагогов, отчаянные головы, — это «Молодая Россия» выказала вам в своем проспекте все зверские ее наклонности; быть может, их перебьют, но сколько невинной крови за них прольется! Тут же слышал, что в Воронеже, в Саратове, в Тамбове, — везде есть комитеты из подобных социалистов, и везде они разжигают молодежь... Общество в опасности, сорванцы бездомные на все готовы, и вам дремать нельзя; на вас грех падет, коли допустите их до резни, а она будет, чуть задремлете или станете довольствоваться полумерами... Эта бешен-

¹ Лемке — «Политические процессы», 198—99. Следует заметить, что подлинные материалы по делу Чернышевского впервые опубликовал г. Лемке, работавший в архивах.

² Конечно, это говорит гнусный доносчик, и полагаться на фактическую точность его сообщений не приходится. Но он верно подметил враждебное отношение либералов к великому социалисту.

* так! (лат.).

ная шайка жаждет крови и ужасов и пойдет напролом, — не пренебрегайте ею. Избавьте нас от Чернышевского — ради общего спокойствия».

Этот донос лишний раз напоминал правительству о Чернышевском, на которого III Отделение уже давно обратило свое благосклонное внимание...

⟨398⟩ ...По телеграфному доносу шпиона, одного из посетителей Герцена, Ветошников был арестован на границе, причем у него найдены были все письма Герцена. Для III Отделения вышеупомянутой приписки в письме к Серно-Соловьевичу было достаточно, чтобы на следующий же день, 7-го июля, арестовать Чернышевского. Все бумаги и часть книг Чернышевского были захвачены, а сам он отвезен в Алексеевский рavelин...

Арест Чернышевского произвел необычайно сильное впечатление на демократическую интеллигенцию... Революционная молодежь была, конечно, потрясена арестом своего идейного вождя. Реакционеры торжествовали, радуясь тому, что опаснейший их враг обезврежен, как они надеялись, навсегда. Но и либералы в душе радовались гибели Чернышевского, глубоко презиравшего их и беспощадно разоблачавшего их истинную природу. Так, один из вождей тогдашнего либерализма и хороший знакомый Чернышевского, Кавелин, в письме к Герцену не скрывал своего истинного чувства: «Известия из России с моей точки зрения не так плохи... Аресты меня не удивляют и, признаюсь тебе, не кажутся возмутительными... Чернышевского я очень, очень люблю, но такого брؤولона, бестактного и самонадеянного человека я никогда еще не видел. И было бы за что погибать! Что пожары в связи с прокламациями, в этом нет теперь ни малейшего сомнения»¹.

Таков был Иудин поцелуй либерала, до сих пор окруженного ореолом сияния в глазах наших «конституционно-демократических» буржуа. Повторяя гнусную полицейскую сплетню о связи петербургских пожаров с революционными прокламациями, эти господа давали моральное оправдание разгулу репрессий, с которыми реакция ⟨399⟩ обрушилась на демократов. А между тем, если и можно связывать тогдашнюю эпидемию пожаров с какими-нибудь политическими стремлениями, то, во всяком случае, не с деятельностью революционеров. Сенатор Жданов, отправленный через 2 года в Поволжье для расследования пожаров, имевших место в Саратове, Симбирске и т. д., установил, что они связаны с происками тогдашних реакционеров и крепостников, стремившихся запугать правительство, терроризировать общество и таким образом помешать делу реформ...

При обыске у Чернышевского взяты были некоторые письма, относившиеся к университетским беспорядкам 1861 года, анонимное письмо с угрозами, которое мы привели выше, алфавитный ключ на 4 листках, 2 тетради дневника и письмо Герцена к неизвестному адресату с некоторыми подчистками. Ни один из этих документов не давал возможности уличить Чернышевского в революционных замыслах и действиях...

¹ Русанов, I. с., стр. 276.

NB

... Но III Отделение не хотело выпустить из когтей свою жертву. 1 августа Потапов представил в комиссию записку, составленную по донесениям полицейских агентов (из этой записки, кстати, обнаруживается, что с осени 1861 года Чернышевский состоял под неослабным шпионским надзором). Записка характеризовала литературную деятельность Чернышевского, перечисляла его знакомых, описывала его образ жизни, рассказывала о посещении им в 1859 году Герцена в Лондоне, но главным образом лгала, путала и инсинуировала без конца, обвиняя Чернышевского в возбуждении революционного брожения среди <400> студентов и в составлении никому не ведомых прокламаций. Но и эта записка, хотя и создавала известное моральное настроение против Чернышевского, не могла служить к его обвинению благодаря голословности инсинуаций.

NB

Чернышевского не допрашивали. Он терпеливо сидел в крепости, со дня на день ожидая своего освобождения, так как был твердо убежден, что никаких серьезных улик против него правительство не имеет. Он усердно работал и переписывался с женою. В письме от 5 октября, которое комиссия не сочла возможным передать его жене, а приобщила к делу, заключалась следующая ужасная, по мнению сыщиков, фраза: «Наша с тобою жизнь принадлежит истории; пройдут сотни лет, и наши имена все еще будут милы людям; и будут вспоминать о нас с благодарностью, когда уже забудут почти всех, кто жил в одно время с нами. Так надобно же нам не уронить себя со стороны бодрости и характера перед людьми, которые будут изучать нашу жизнь» (далее следует план будущих работ, о которых мы говорили в I главе). В этих словах Чернышевского комиссия усмотрела необычайное самомнение и преступную гордость. В умственном и моральном отношении члены следственной комиссии, как видно, не уступали либералу Кавелину...

<402> ... Костомаров садится писать письма к родным. Чулков замечает у него одно толстое письмо, прочитывает его и — какая неожиданность! — оказывается, что это письмо имеет прямое отношение к Чернышевскому. Письмо немедленно пересылается Потапову, а тот сейчас же телеграфирует Чулкову о безотлагательном возвращении с Костомаровым в Петербург. Комедия разыгрывается как по нотам.

NB

В этом письме, составляющем целую брошюру размером более печатного листа, пересыпанном цитатами на всевозможных языках, переполненным натянутыми шуточками и отвратительной болтовней, содержалось все, что нужно было III Отделению для того, чтобы погубить Чернышевского. Костомаров пишет своему мифическому адресату, что он при случае расскажет ему о литературной деятельности Чернышевского, «тайной и явной, чтобы показать вам, откуда подул тот ветер, который наслал столько жалких жертв в казематы российских крепостей и в те злачные места, куда отсылают по соглашению министра внутренних дел с шефом жандармов, ... тогда вы увидите, откуда на святом знамени свободы появился тот скверный девиз, во имя которого действуют наши доморощенные агитаторы, пишутся все эти „Великоруссы“ и „Молодые России“, все эти бесполезные прокламации с красными и голубыми печатями»...

<405> ... Но всех имевшихся в деле документов было, очевидно, мало, и III Отделение решило пустить в ход последнее сред-

ство. 2 июля министр юстиции Замятин прислал в <406> сенат обширную записку «О литературной деятельности Чернышевского» явно шпионского происхождения. В этой записке, которая должна была оказать на судей известное давление, Чернышевский выставляется как главный проповедник материализма и коммунизма, дается тенденциозный анализ его сочинений и устанавливается внешнее сходство между его литературными работами и содержанием выходявших в то время революционных прокламаций. Кончается записка следующими словами: «Прокламации суть как бы вывод из статей Чернышевского, а статьи его — подробный к ним комментарий»...

... Стахевич, познакомившийся с Чернышевским в Сибири, рассказывает в своих воспоминаниях, что задолго до ареста Чернышевского Сераковский передал ему свой разговор с генералом Кауфманом, тогда директором канцелярии военного министерства. Бравый генерал находил, что Чернышевский за вредное влияние на молодежь должен быть сослан: правительство так впоследствии и поступило, сославши Чернышевского на каторгу исключительно за «вредное влияние». Тот же Стахевич рассказывает, что незадолго до ареста Чернышевского посетил адъютант кн. Суворова и от имени последнего советовал ему немедленно уехать за границу. На вопрос Чернышевского, почему же князь так о нем заботится, адъютант ответил: «Если вас арестуют, то уж значит сошлют, сошлют, в сущности, без всякой вины, за ваши статьи, хотя они и пропущены цензурой. Вот князю и желательно, чтобы на государя, его личного друга, не легло это пятно — сослать писателя безвинно». Но Чернышевский категорически отказался уехать за границу, гордо идя навстречу своей участи, а отчасти не допуская мысли о возможности такого беззакония, как ссылка писателя за разрешенные цензурой статьи...

<411> ... Герцен встретил возмутительный приговор над Чернышевским проклятием его палачам всех рангов и степеней и заклеил позором продажную либеральную и консервативную печать, которая своими доносами и травлей накликала варварские гонения правительства на прогрессистов и революционеров.

Приводим из книги Лемке выдержки из статьи, напечатанной Герценом в № 186 «Колокола» за 1864 год:

«Чернышевский осужден на семь лет каторжной работы и на вечное поселение. Да падет проклятием это безмерное злодейство на правительство, на общество, на подлую, подкупную журналистику, которая накликала это гонение, раздула его из личностей. Она приучила правительство к убийствам военнопленных в Польше, а в России — к утверждению сентенций диких невежд сената и седых злодеев Государственного совета... А тут жалкие люди, люди-трава, люди-слизняки говорят, что не следует бранить эту шайку разбойников и негодяев, которая управляет нами!.. Чернышевский был выставлен вами к позорному столбу на четверть часа..., а вы, а Россия на сколько лет останетесь привязанными к нему! Проклятье вам, проклятье — и, если можно, месть!»...

ЛЕНИН О ЧЕРНЫШЕВСКОМ

Послесловие В. Я. З е в и н а

Нельзя сказать, чтобы пометки Ленина на книге Стеклова о Чернышевском совсем не были известны исследователям, работающим в области изучения русской общественной мысли. Еще в 1933—1934 г. П. Н. Лепешинский в статье «Ленин о Чернышевском (дополнительные данные в виде пометок Ленина в книге Ю. М. Стеклова „Н. Г. Чернышевский“», опубликованной в сборниках «Старый большевик»¹, описал, вернее — изложил, значительную часть ленинских пометок. И в этом — большая заслуга П. Н. Лепешинского. Но, не говоря уже о том, что указанные сборники стали библиографической редкостью, воспроизведение пометок Ленина в статье (к тому же не исчерпывающее) не могло заменить самостоятельной публикации этого ценнейшего материала.

Следует сказать также, что некоторые пометки были неправильно воспроизведены автором статьи (далеко не всегда можно согласиться и с комментариями Лепешинского). Поэтому публикация Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в настоящем томе «Литературного наследства» ленинских пометок на книге Стеклова о Чернышевском, впервые воспроизводимых вместе с текстом, в том виде, как они сделаны в оригинале, имеет большое значение.

Прямых и точных сведений о времени чтения Лениным книги Стеклова о Чернышевском не имеется. Однако некоторые данные позволяют предположительно установить датировку. Книга Стеклова вышла в свет в октябре 1909 г., первые рецензии на нее появились в 1910 г. Из письма же Ленина к Горькому, написанного в конце апреля 1911 г.², видно, что к этому времени Ленин уже ознакомился с книгой Стеклова. Таким образом, пометки Ленина сделаны не ранее октября 1909 г. и не позднее апреля 1911 г. Важно отметить еще следующее обстоятельство: очевидно Ленин читал книгу Стеклова в тот же период, что и работу Г. В. Плеханова «Н. Г. Чернышевский», вышедшую тоже в октябре 1909 г.³ — об этом свидетельствуют как содержание, так и характер пометок Ленина на обеих книгах⁴. Можно думать, что Ленин сначала прочел книгу Плеханова, ибо в пометке на странице 147 книги Стеклова он сравнивает одно из положений автора с высказыванием Плеханова по данному вопросу.

Повышенное внимание Ленина в эти годы к вопросам истории русской общественной мысли, конечно, не случайно.

После поражения революции 1905—1907 гг., когда различные классы и партии подводили итоги революции, связывая актуальные вопросы современности с вопросами о путях развития и традициях русской общественной мысли и освободительного движения, борьба вокруг идейного наследия русских революционных демократов обострилась. Реакционная литература оплевывала передовую общественную мысль, обливала грязью идеи и деятельность Белинского, Герцена, Чернышевского. Либералы, яростно выступая против материалистических и демократических взглядов революционных демократов, извращали их воззрения и деятельность, представляли их вождями «интеллигентного класса», чуждыми народу, выхолащивали революционное содержание их учений, что ярко проявилось в сборнике «Вехи» и в работах, посвященных Герцену, Белинскому, Чернышевскому. Не могли дать правильной оценки взглядов русских революционных демократов и народническо-эсеровские писатели. Перед большевиками встала настоятельная задача — дать отпор фальсификаторам передовой русской общественной мысли, защитить прогрессивное идейное наследие русских революционных демократов, показать их значение и использовать лучшие традиции прошлого.

Вот почему Ленин во многих произведениях этого периода («Социал-демократия и выборы в Думу», 1907; «Материализм и эмпириокритицизм», 1908; «О „Вехах“», 1909; «„Крестьянская реформа“ и пролетарски-крестьянская революция», 1911; «Памяти Герцена», 1912, и др.) останавливается на вопросах, связанных с развитием русской общественной мысли, дает характеристику и оценку идейного наследия русских революционных демократов.

Сам за себя говорит и тот факт, что осенью 1908 г. Ленин ответил согласием на предложение Стеклова принять участие в сборнике, посвященном жизни и деятельности Чернышевского, высказав при этом желание взять на себя не тему «Чернышевский и крестьянский вопрос», как намечал Стеков, а освещение философских взглядов Чернышевского⁵. Издание этого сборника не состоялось, но развернутую характеристику философских воззрений Чернышевского Ленин дал, как известно, в книге «Материализм и эмпириокритицизм».

Несомненно, что та же задача — необходимость правильного освещения русской общественной мысли — вызвала интерес Ленина к книгам Плеханова и Стеклова, а также к другой литературе о Чернышевском (об этом можно судить уже по тому, что Ленин отмечал приводимую в этих книгах библиографию по данному вопросу).

Нужно сказать, что и в социал-демократической литературе не всегда давалась правильная характеристика и оценка мировоззрения и деятельности великих русских революционных демократов. Это сказалось также в книгах Плеханова и Стеклова о Чернышевском. В книге 1910 г. Плеханов сделал шаг назад по сравнению со своими прежними работами о Чернышевском: исходя из своих меньшевистских позиций, он затушевывает революционно-демократическое содержание идей и деятельности Чернышевского, и Ленин в своих пометках на книге Плеханова прослеживает эволюцию его взглядов по этому вопросу. Стеков же, напротив, — по существу стирает грань между марксизмом и учением Чернышевского. Не может быть никакого сомнения, что выводы Ленина в статьях «„Крестьянская реформа“ и пролетарски-крестьянская революция», «Памяти Герцена» направлены не только против реакционной и либеральной литературы о русской общественной мысли, но и против ошибочных концепций книг Плеханова и Стеклова. В связи с этим следует подчеркнуть, что пометки Ленина на книгах Плеханова и Стеклова о Чернышевском нельзя рассматривать вне связи друг с другом и изолированно от работ Ленина, написанных до и после чтения этих книг.

С ранней юности Ленин проявлял огромный интерес к сочинениям Чернышевского. Труды и статьи Ленина, в которых приводятся высказывания из работ Чернышевского, говорят о прекрасном знании им произведений великого русского революционного демократа.

Н. К. Крупская вспоминает, что Ленин очень любил Чернышевского. Как говорит Крупская, Чернышевский «заразил его своей непримиримостью в отношении либерализма»⁶. Большое впечатление на Ленина произвел Чернышевский и как личность своей выдержанностью, стойкостью, преданностью народу и революции.

Заслуживает внимания запись В. В. Воровского беседы с Лениным о Чернышевском, которая имела место в конце января 1904 г. в Женеве; в этой беседе принимали также участие С. И. Гусев и Н. Валентинов⁷. Ленин, — вспоминает Воровский, — сказал, что до знакомства с сочинениями Маркса, Энгельса, Плеханова, главное влияние на него имел Чернышевский и началось оно с «Что делать?». «Все, напечатанное им в „Современнике“, — говорил Ленин, — я прочитал до последней строчки и не один раз. Благодаря Чернышевскому произошло мое первое знакомство с философским материализмом. Он же первый указал мне на роль Гегеля в развитии философской мысли и от него пришло понятие о диалектическом методе, после чего было уже много легче усвоить диалектику Маркса. От доски до доски были прочитаны великолепные очерки Чернышевского об эстетике, искусстве, литературе и выяснилась революционная фигура Белинского. Прочитаны были все статьи Чернышевского о крестьянском вопросе, его примечания к переводу политической экономии Милля, и так как Чернышевский хлестал буржуазную экономическую науку, это оказалось хорошей подготовкой, чтобы позднее перейти к Марксу. С особенным интересом и пользой я читал замечательные по глубине мысли обзоры иностранной жизни, писавшиеся Чернышевским. Я читал Чернышевского „с карандашиком“ в руках, делая из прочитанного большие выписки и конспекты. Тетрадки, в которые все это заносилось, у меня потом долго хранились».

Задолго до чтения книг Стеклова и Плеханова Ленин в своих произведениях — «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», «От какого

наследства мы отказываемся?», «Попятное направление в русской социал-демократии», «Что делать?» и других — сформулировал единственную правильную концепцию изучения мировоззрения и деятельности Чернышевского, дал характеристику его взглядов, показал его роль в освободительном движении в России. Великий русский писатель, гениальный мыслитель и революционер, один из первых русских социалистов, последовательный материалист и диалектик — так характеризовал и оценивал Ленин Чернышевского. Ленин указывал, что в мировоззрении и революционной программе Чернышевского демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое. Чернышевский верил в самобытность путей развития России, полагал возможным для нее миновать капиталистический строй с его мучениями, верил в общинный строй русской жизни и отсюда — в возможность крестьянской социалистической революции. Ленин еще в 1899 г. осудил попытку «экономистов» бессмысленно надерганными цитатами доказать, будто Чернышевский не был утопистом. В то же время Ленин подчеркивал революционный демократизм Чернышевского, глубокое понимание им современной действительности, антагонистичности русских общественных классов, природы царского самодержавия, крепостнического характера и буржуазного содержания «крестьянской реформы» 1861 г., указывал на ненависть Чернышевского к либералам, решительное отстаивание им интересов крестьянства, последовательную борьбу его за революцию. Ленин прекрасно знал не только произведения Чернышевского, но и литературу о нем и о шестидесятых годах, и не раз приводил факты, характеризующие революционную ситуацию 1859—1861 годов, раскрывая огромную мобилизующую, революционную роль идей и деятельности Чернышевского.

Читая книги Стеклова и Плеханова, Ленин имел свою совершенно ясную точку зрения как на мировоззрение Чернышевского в целом, так и на его философские, экономические, политические взгляды и на его художественные произведения.

Книга Стеклова, как и книга Плеханова, вряд ли дала Ленину много нового материала о Чернышевском и об эпохе 1860-х годов. Но Ленин читал ее с исключительным вниманием: он отмечает даты жизни и деятельности Чернышевского, приводимые автором, сопоставляет положения, содержащиеся в книге, обращает внимание на детали и даже замечает опечатки. Не ограничиваясь подчеркиваниями и пометками, относящимися к приведенным сведениям или отдельным положениям, Ленин еще делает в верхнем углу многих страниц пометку МВ, отмечая для себя текст этих страниц в целом.

Пометки Ленина можно было бы разделить на три группы: во-первых, Ленин подчеркивает или отмечает интересующие его высказывания Чернышевского, во-вторых, и это, разумеется, главное, он дает оценку положениям и выводам Стеклова о тех или других сторонах мировоззрения Чернышевского и, наконец, обращает внимание на ошибочность отдельных высказываний автора по вопросам теории марксизма и политики партии. Конечно, такое деление очень условно, ибо все пометки связаны друг с другом и отражают единый ход мысли.

Нет сомнения, что пометки Ленина на книге Стеклова, относящиеся к различным сторонам мировоззрения и деятельности Чернышевского и дающие богатый материал для освещения взглядов великого русского революционного демократа и социалиста, явятся предметом глубокого изучения исследователями развития русской общественной мысли — историками, философами, экономистами, литературоведами.

В настоящей статье мы хотели бы изложить лишь несколько общих наблюдений, характеризующих эти пометки.

Ленин в общем положительно оценил книгу Стеклова. В письме к Горькому, о котором говорилось выше, он характеризовал Стеклова как автора «хорошей книги о Чернышевском». Вместе с тем, как показывают пометки, он критически отнесся и к концепции Стеклова в целом и к ряду выдвинутых им положений.

Красной нитью через все пометки Ленина проходит мысль, что главное в мировоззрении и деятельности Чернышевского — это его революционный демократизм.

Если Плеханов, — как писал Ленин, — сосредоточив основное внимание на теоретических воззрениях Чернышевского, на вопросе о том, был ли Чернышевский материалистом или идеалистом в своих взглядах на историю, «просмотрел практически-политическое и классовое различие либерала и демократа»⁸, то Стеклов справедливо

подчеркивал революционный демократизм Чернышевского. Ленин отмечает те места книги Стеклова, где автор говорит, что Чернышевский был представителем революционно-демократического течения общественной мысли и стремился подвести фундамент под мировоззрение складывающейся юной русской демократии (стр. 33, 93, 349). Он подчеркивает положение о том, что Чернышевский был демократом по убеждению и бойцом по темпераменту (стр. 38). Особенное внимание Ленин обращает на противопоставление революционной демократии во главе с Чернышевским и либералов, — он отмечает мысль Стеклова о конфликте двух общественных течений, двух партий, представлявших не только существенно различные, но и враждебные классовые интересы: либералы представляли интересы буржуазии и прогрессивного дворянства⁹, Чернышевский и его кружок отстаивали интересы трудящихся, или, говоря его слогом, простонародья, — народных слоев, в которых по тогдашним социальным условиям смешивались рабочий класс и крестьянство (стр. 352).

Ленин подчеркивает, что Чернышевский презирал и ненавидел от всей души либералов и что либералы, в свою очередь, были глубоко враждебны к великому демократу (стр. 347, 396). Он одобрительно относится к замечанию Стеклова, что история доказала справедливость отношения Чернышевского к русскому либерализму (стр. 351—352).

Ленин отмечает мысль автора о том, что исторической задачей нового поколения революционеров, которую ставил Чернышевский, было — идти в народ, приобщить народ к идеям демократии и социализма (стр. 360).

В связи с этим важно отметить, что Ленин выражает несогласие с утверждением, что шестидесятники «в сущности отражали смутные стремления и чаяния многомиллионной крестьянской массы и давали им только, так сказать, обобщенное выражение». Ленин замечает: «не только» (стр. 379). Ибо совершенно очевидно, что Чернышевский и его соратники не только отражали смутные стремления крестьянства, но стояли на неизмеримо более высоком уровне, видели значительно дальше, чем забитые и угнетенные крестьяне, шли впереди масс, стремясь поднять их до уровня демократических идей. В статье «„Крестьянская реформа“ и пролетарско-крестьянская революция» Ленин писал по этому вопросу: «И если века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже „бунтов“, не освещенных никаким политическим сознанием, то были и тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой „крестьянской реформы“, весь ее крепостнический характер. Во главе этих, крайне немногочисленных тогда, революционеров стоял Н. Г. Чернышевский»¹⁰.

Утверждение Стеклова о том, что Чернышевский «очертя голову», ринулся в бой против крепостников и либералов, вызывает у Ленина знак вопроса на полях (стр. 31). В действительности же деятельность Чернышевского опиралась на определенный теоретический фундамент, была целеустремленной и обоснованной.

Ленин уделяет большое внимание изложению Стекловым взглядов Чернышевского. Много пометок Ленина мы находим в главах «Общий очерк литературной деятельности Чернышевского», «Философские взгляды Чернышевского. — Мораль разумного эгоизма», «Эстетика и критика Чернышевского», «Философия истории Чернышевского», «Политическая экономия и социализм».

Ленин одобрительно отнесся к высказываниям Стеклова о том, что Чернышевскому было свойственно «причудливое смешение гениальных прозрений и утопических тенденций», что он «занимает промежуточную стадию между утопическим и научным социализмом, в большинстве случаев стоя ближе к последнему» (стр. 275, 320).

В то же время Ленин решительно возражает против утверждения Стеклова, что «от системы основателей современного научного социализма мировоззрение Чернышевского отличается лишь отсутствием систематизации и определенности некоторых терсинов». Ленин поставил знак вопроса у слова «лишь», а на полях написал: «чересчур» (стр. 175—176), тем самым Ленин указал на ошибку в самой концепции Стеклова, склонного стирать грань между марксизмом и взглядами Чернышевского.

Чернышевский, действительно, был гениальным мыслителем и в своих философских, экономических и социально-политических взглядах стоял, можно сказать, на

вершине развития мировой общественной мысли домарксовского периода. В беседе с Воровским, Гусевым и Валентиновым Ленин характеризовал Чернышевского как «самого большого и талантливое представителя социализма до Маркса». Несомненно, что из всех утопических социалистов Чернышевский ближе всех подошел к научному социализму. Но в условиях отсталой крепостнической России он не смог подняться до научного социализма. Только марксизм стал духовным оружием рабочего класса, теорией пролетарской партии, победоносным знаменем борьбы миллионов масс трудящихся.

Необходимость правильной оценки как сильных, так и слабых сторон мировоззрения Чернышевского — таков один из важнейших выводов, который можно сделать из пометок Ленина, касающихся философских, экономических и политических взглядов великого русского революционного демократа и утопического социалиста.

Ленин отмечает глубокую мысль Чернышевского, «что новейший материализм является философией рабочего класса...» (стр. 66). Он подчеркивает положение, что Чернышевский обладал «довольно цельным материалистическим мировоззрением» (стр. 45). В частности, внимание Ленина привлекает утверждение Чернышевского о том, что качества феноменов, производящихся человеческим организмом, «обуславливаются свойствами материала, а законы, по которым возникают феномены, есть только особенные частные случаи действия законов природы» (стр. 53). Ленин с одобрением, в общем, подходит к оценке Чернышевским развития немецкой классической философии, значения материалистической философии Фейербаха, сопоставляя эту оценку с соответствующим местом из работы Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (стр. 47, 49). При этом Ленин не пропускает и ошибочные высказывания Стеклова по вопросу о соотношении духа и материи, различия материализма и идеализма, о характеристике Энгельсом этики Фейербаха (стр. 49, 63).

Как известно, в работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин подчеркнул, что Чернышевский, будучи последовательным материалистом и диалектиком, тем не менее не смог подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса. В связи с этим находится и оценка Лениным социологических взглядов Чернышевского, которым он в своих пометках на книгах Стеклова и Плеханова уделяет большое внимание.

Ленин отнюдь не отрицает материалистической тенденции в социологических взглядах Чернышевского. Соответствующий материал, высказывания Чернышевского, приводимые автором книги, не вызывают, собственно, у Ленина возражений. Без этой тенденции Чернышевский не смог бы понять, — как указывал Ленин, — природу самодержавного государства и антагонистичность русских общественных классов, не смог бы быть, по выражению Ленина, «замечательно глубоким критиком капитализма»¹¹. Ленин писал, что от сочинений Чернышевского веет духом классовой борьбы, а в пометках на книгу Плеханова Ленин подчеркнул, что Чернышевский «очень близко подошел к теории борьбы классов»¹². Заметим, что П. Н. Лепешинский, комментируя пометки Ленина, неправильно полагал, что «Чернышевский, верный ученик Фейербаха, дальше своего учителя в области философского материализма не пошел», что нельзя и говорить о материалистических взглядах Чернышевского в социологии¹³.

Но Ленин решительно выступает против переоценки материалистической тенденции в социологических взглядах Чернышевского. Он не согласен со Стекловым, который считал социологические взгляды Чернышевского материалистическими, а его высказывания в идеалистическом, просветительском духе — лишь исключениями, отклонениями (стр. 42). Особенно резкие возражения Ленина встречают попытки Стеклова доказать, что такие «обмолвки» (например, по вопросу о соотношении политического строя и экономических отношений) имели место и у Энгельса (стр. 152).

В качестве одного из доказательств того, что Чернышевский был материалистом в своих взглядах на историю, Стеклов ссылается на рассуждение Чернышевского о причинах падения древнего Рима, «которое он, — пишет Стеклов, — вслед за Плинием объясняет изменением земельных отношений: „большепоместность разорила Италию — *latifundia perdidere Italiam!*“». Ленин подчеркивает эти слова Стеклова, а на полях пишет: «ср. Плеханов» (стр. 147). Очевидно, он имел в виду правильную

мысль Плеханова, который считал, что приведенное рассуждение Чернышевского отнюдь еще не доказывает его материалистического понимания истории, что статья «О причинах падения Рима» и другие работы Чернышевского свидетельствуют об обратном — о его идеализме в подходе к истории общества¹⁴.

Чернышевский приближался к историческому материализму, но в объяснении коренных причин исторического развития он стоял на идеалистических позициях. Материалистическая тенденция в социологических взглядах Чернышевского не была последовательной и завершенной. Он не понял, что главной силой в системе условий материальной жизни, определяющей характер общественного строя, переход от одного строя к другому, является способ производства.

Большой интерес представляют пометки Ленина, связанные с изложением Стекловым политико-экономических взглядов Чернышевского.

Ленин, видимо, не был полностью согласен с утверждением Стеклова, что целью экономических исследований Чернышевского было — путем критики существующих экономических отношений — обнаружить вред капитализма для широких народных масс, подчеркнуть его преходящий характер и выявить основные черты будущего социалистического строя. Делая против этого места замечание: «только?» (стр. 295—296), Ленин, как можно предположить, имел в виду, что целью экономической системы Чернышевского прежде всего была критика феодально-крепостнических отношений в России и обоснование необходимости их уничтожения.

Ряд важных пометок Ленина относится к характеристике взглядов Чернышевского на капитализм.

Судя по замечанию Ленина, он не согласен с утверждением Стеклова, что «для Чернышевского было ясно, что современные общественные классы складываются в процессе производства: трем элементам производства — земле, капиталу и труду — соответствуют три основных класса современного общества: землевладельцы, буржуазия и рабочие». Ленин на полях ставит знак вопроса и для сравнения отсылает к 7-му отделу III тома «Капитала» Маркса (очевидно, Ленин имеет в виду главу 48 — «Триединая формула») (стр. 154). Если провести это сопоставление, то станет ясно, что тезис Чернышевского о трехчленном делении продукта далеко не соответствует марксистской постановке вопроса «о триединой формуле». Развивая свои идеи в условиях отсталой, крепостнической России, Чернышевский не смог вскрыть природы капиталистической эксплуатации.

Вместе с тем Ленин обращает внимание на многие вдумчивые замечания Чернышевского о капиталистическом обществе. Так, он подчеркивает высказывание Чернышевского о труде как производительной силе, источнике продукта (стр. 277). Останавливается Ленин и на положении Чернышевского об отсутствии существенной разницы между покупкой труда (Чернышевский не знал понятия «рабочая сила». — В. З.) и рабством, так как здесь идет речь только о различных формах эксплуатации (стр. 276).

Ленин согласен с утверждениями Стеклова о том, что Чернышевский высказал целый ряд глубоких критических мыслей о капиталистическом строе в целом (стр. 296). Ленин, видимо, одобрительно относится к мнению Стеклова, что Чернышевский критикует капиталистические отношения не столько с точки зрения их внутренних объективных тенденций, сколько с точки зрения их противоположности интересам общества, народа, массы (стр. 278). Ленин подчеркивает приводимое Стекловым высказывание Маркса о Чернышевском как о великом ученом и критике буржуазной политической экономии (стр. 330).

Внимание Ленина привлекает замечательное высказывание Чернышевского о пролетариате; он подчеркивает слова Чернышевского о том, что «число пролетариев все увеличивается, и, главное, возрастает их сознание о своих силах и проясняется их понятие о своих потребностях», а также следующий комментарий Стеклова: «Скажите откровенно, читатель, эта фраза не напоминает вам ничего из „Коммунистического манифеста“?» (стр. 160).

Ленин отмечает высказывание Чернышевского об относительной прогрессивности

капитализма: «Когда развивается промышленность, прогресс обеспечен. С этой точки, — писал Чернышевский, — мы преимущественно и радуемся усилению промышленного движения у нас» (стр. 146).

Вместе с тем Ленин констатирует глубокую враждебность Чернышевского к капиталистическому строю вообще и к нарождавшимся в России буржуазным тенденциям. Ленин обращает внимание на рассуждение Чернышевского о том, что «возможность отличать меновую ценность от внутренней свидетельствует только об экономической неудовлетворительности быта, в котором существует разность между ними», что это есть «уклонение от естественного порядка вещей» (стр. 279). Подвергая критике капитализм, он доказывает, что последний должен быть заменен другим общественным строем — социализмом. Ленин уделяет большое внимание характеристике Стекловым социалистических взглядов Чернышевского, он неоднократно вскрывает противоречивость утверждений автора, критически отмечает те места книги, где Стеклов пытается доказать, что Чернышевский не был утопическим социалистом. Против того места, где Стеклов пишет, что «здоровое же положение вещей — это социалистический строй» (стр. 279), Ленин поставил слово «нет!», имея в виду ошибочность представления утопистов о социализме как о предустановленном «естественном порядке», а не как об общественном строе, являющемся результатом закономерного развития общества.

Ленин подчеркивает слова Стеклова о том, что Чернышевского нельзя причислить ни к представителям «мелкобуржуазного социализма» (стр. 328), ни к представителям «критически-утопического социализма» (стр. 330). На стр. 324 Ленин отмечает следующее высказывание Стеклова: «...об утопизме Чернышевского следует говорить *cum grano salis*. Строгий реалист, он брал из утопических систем главным образом их критику частной собственности и капиталистического строя, а также общие принципы будущего строя». Подчеркивая изложение Стекловым мысли Чернышевского, что в случае установления в России «трудовой республики» сохранение общины дает возможность постепенно переходить к настоящему коллективному земледелию с применением машин, — Ленин иронически замечает: «„реализм“??», так как именно эта идея говорит об утопичности социалистических представлений Чернышевского (стр. 335)¹⁵.

Заслуживает внимания пометка Ленина, относящаяся к сопоставлению Стекловым взглядов Чернышевского и Прудона. Ленин не соглашается с утверждением Стеклова о том, что «исходная точка зрения у Чернышевского — социалистическая, у Прудона — мелкобуржуазная, индивидуалистическая» (стр. 282). Ленин отнюдь не ставил знак равенства между взглядами Прудона и Чернышевского. Но он считал неверным противопоставление, проведенное Стекловым, во-первых, потому, что социализм Чернышевского был утопическим, а Прудон субъективно также являлся социалистом, и во-вторых, потому, что нельзя забывать крестьянский характер социализма Чернышевского. Ленин ставит знак вопроса в отношении категорического утверждения Стеклова, что Чернышевский был совершенно свободен от идеализации патриархального варварства и что его позитивная программа отнюдь не сводилась к восстановлению мелкого ремесла или земледелия (стр. 329—330). Чернышевский мечтал о переходе к социализму через крестьянскую общину, и, хотя он ставил целью планомерную общественную организацию производства на началах коллективизма, объективно торжество его идей означало бы свободное развитие крестьянского хозяйства.

Разница же между Прудоном и Чернышевским состояла в том, что первый проповедовал свои мелкобуржуазные идеи уже в условиях господства капитализма, и они играли реакционную роль, а идеи Чернышевского развивались в условиях борьбы против самодержавно-крепостнического строя, были направлены на полное уничтожение феодальных отношений, помещичьего землевладения и играли поэтому прогрессивную, революционную роль.

Следует сказать, что Стеклов, излагая социалистические воззрения Чернышевского, допускает ошибочное утверждение, что Чернышевский будто бы считал возможным частичное осуществление социализма в рамках старого строя. При этом он, как справедливо отмечает П. Н. Лепешинский, зачем-то ссылается

на брошюру К. Каутского «На другой день после революции», в которой говорилось о постепенном переходе к социализму, но после захвата власти рабочим классом. Имея в виду эту пуганицу у Стеклова, Ленин написал: «Ого! Заврался т. Стеклов» (стр. 336). Решительное возражение Ленина вызывает и другое ошибочное положение Стеклова — что «конгрессы Интернационала, на работы которых со стороны влиял сам Маркс, также допускали такое частичное осуществление социализма еще в рамках буржуазного строя (куда они относили национализацию земли, национализацию железных дорог, каналов и рудников и передачу их рабочим ассоциациям и т. п.)» (стр. 336).

Ленин внимательно следит за излагаемым Стекловым развитием взглядов Чернышевского на общину, отмечает, в частности, год и месяц, когда была напечатана статья Чернышевского «Критика философских преубеждений против общинного владения», в которой Чернышевский теоретически обосновывает вопрос о переходе к социализму через крестьянскую общину. Ленин подчеркивает положение о том, что Чернышевский понимал невозможность этого перехода в рамках [старого политического режима (стр. 372—374)]¹⁶.

Характеризуя взгляды Чернышевского на общину, Стеклов допустил неуместные аналогии с политикой партии, которые резко осудил Ленин. Так, указывая, что «Чернышевский мог, в интересах более верной защиты общинного землевладения, ставить русскому обществу на вид угрожающую народу пролетаризацию», Стеклов замечает: «Но ведь и социал-демократы, возражающие против столыпинских аграрных мероприятий, прибегают к аналогичному аргументу (не по форме, конечно, а по существу)...» Ленин подчеркивает это место и пишет на полях: «фальшь!» (стр. 157).

Вряд ли можно сомневаться, что именно имея в виду неправильное утверждение Стеклова, отрицавшего утопический характер социализма Чернышевского, Ленин писал в статье «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция»: «Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для [осуществления социализма]¹⁷. В книге Стеклова правильно отмечается революционный характер социализма Чернышевского. Ленин подчеркивает слова Стеклова о том, что Чернышевский упрекал утопических социалистов Запада в робости и непоследовательности при осуществлении политических задач рабочего класса, «в частности по вопросу о захвате политической власти и революционной диктатуре» (стр. 333).

Реальным содержанием утопического социализма Чернышевского являлся боевой, последовательный революционный демократизм.

В противовес Плеханову, который не видел этого своеобразия утопического социализма Чернышевского, смазывал его революционный демократизм, Ленин писал в названной выше статье: «Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»¹⁸.

Глава VIII книги Стеклова «Чернышевский и русское общество того времени», в которой характеризуются политические взгляды и революционная деятельность Чернышевского, привлекает особенное внимание Ленина. Эта глава буквально испещрена его пометками.

Ленина очень интересует изложение Стекловым политической программы Чернышевского. Он ставит знак **ЛВ** в углу той страницы книги, где автор формулирует программу Чернышевского следующими словами: «Итак, народное движение возможно; лозунг его — земля и воля; путь — захват власти революционерами при активной поддержке и сочувствии народных масс; результат — трудовая республика (подчеркнуто Лениным. — В. З.), а в случае поражения революционеров — во всяком случае значительное улучшение положения народа» (стр. 382—383).

Огромное значение, особенно в связи с борьбой вокруг «крестьянской реформы», имела постановка Чернышевским аграрного вопроса. Стеклов, в общем, правильно

характеризует революционную позицию Чернышевского в этом вопросе. Ленин отмечает приводимые Стекловым цитаты из сочинений Чернышевского, где говорится о связи крепостничества с самодержавным режимом, об общем характере национального устройства, о неповиновении либералами, «что никакие реформы не имеют никакого значения в России до тех пор, пока остаются в целости основные черты старого режима» (стр. 342, 345). В связи с этим Ленин с одобрением отмечает слова Стеклова о стремлении Чернышевского разоблачить буржуазный либерализм, показать его неспособность даже «довести до конца свою собственную борьбу с абсолютизмом и пережитками феодального строя» (стр. 32)¹⁹. Ленин ценил всестороннюю критику реформы Чернышевским, последовательно отстаивавшим крестьянские интересы. Но Стеклов допускает ошибку, утверждая, что Чернышевский после рескриптов Александра II на некоторое время поверил в возможность мирного решения крестьянского вопроса сверху. Ленин отнюдь не фиксирует внимания на этом положении Стеклова. Он лишь ставит горизонтальную черту против того места, где Стеклов пишет, что в том же 1858 г. Чернышевский изменил свою позицию (стр. 354, 355).

Как ни странно, важнейший вывод о том, что «в сущности Чернышевский стоял за полную экспроприацию помещиков и за передачу крестьянам земли без всякого выкупа», — Стеклов делает в примечании, не придавая ему, видимо, решающего значения. Ленин же подчеркивает это положение, на полях отчеркивает его трижды, ставит **В** и указывает стр. 357 книги Стеклова, где приводится цитата из «Пролога», подтверждающая революционность аграрной программы Чернышевского (стр. 355).

Точно так же, не в основном тексте, а в примечании Стеклов пишет, приводя рассуждение Чернышевского о «провизии» в статье «Критика философских преубеждений против общинного владения»: «Смысл этой притчи ясен: выгодное для массы решение аграрного вопроса предполагает предварительное совершение политического переворота». И опять Ленин обращает на это положение особенное внимание (стр. 373—374).

В связи с этим следует отметить, что среди многочисленных высказываний Ленина о Чернышевском мы не найдем ни одного, где констатировались бы какие-либо колебания в политической позиции Чернышевского. Ленин всегда подчеркивал последовательный, боевой характер революционного демократизма Чернышевского.

Важно отметить и то значение, которое придал Ленин требованию Чернышевским политической свободы. Он отмечает соответствующие места, приводимые Стекловым из воспоминаний Шаганова о Чернышевском (стр. 381—382), и, что особенно важно, — из прокламации Чернышевского «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Ленин подчеркивает, что в прокламации дается «убийственная критика реформы 1861 г.» и «выясняется значение политической свободы» (стр. 390).

Стеклов пишет, что по общим своим политическим взглядам Чернышевский стоял близко к бланкизму, оговариваясь, впрочем, что к бланкизму «в том смысле, в каком понимал его Маркс, когда признавал бланкистов истинными представителями революционного пролетариата». Ленин подчеркивает это положение Стеклова, как и утверждение его о том, что на точке зрения бланкистов, преувеличивавших роль сознательного организованного меньшинства и веривших в решающее значение государственной власти, к захвату которой они стремились, и считавших в то же время, что меньшинство сильно лишь постольку, поскольку оно правильно отражает интересы трудящегося большинства, — что «на этой же точке зрения, единственно возможной для эпох, характеризующихся пассивностью народной массы, по-видимому, стоял и Чернышевский» (стр. 367—368). Но из этого было бы неправильно делать вывод, что Ленин соглашается с довольно-таки путанными рассуждениями Стеклова о бланкизме вообще и о бланкизме Чернышевского, в частности. Во всяком случае, ни в одной из своих работ Ленин не говорит о бланкизме Чернышевского. Напротив, он все время подчеркивает, что Чернышевский проводил идею крестьянской революции, считая, что не заговор кучки революционеров, а народное восстание может привести к победе.

Большое внимание уделяет Ленин взглядам Чернышевского на перспективы революции в России. Он отмечает почти все высказывания Стеклова по этому вопросу. У Стеклова здесь не было последовательности. На стр. 135 он пишет, что «в наличность

серьезных революционных сил в России Чернышевский <...> не верил», и Ленин, подчеркивая это положение, ставит на полях знак вопроса, не соглашаясь с автором. В других местах Стеклов, отмечая, что Чернышевский «колебался между полным унынием и надеждой на предстоящий взрыв крестьянской революции» (стр. 357), указывает, что к концу 1861 г. Чернышевский «начал, по-видимому, допускать возможность широкого крестьянского движения» (стр. 358), «возможность широкого революционного движения, вызванного разочарованием крестьянства в реформе 1861 года» (стр. 366). Все эти места, как и другие приводимые Стекловым высказывания Чернышевского и факты, свидетельствующие о наличии в России в тот период революционной ситуации, обращают на себя пристальное внимание Ленина.

Ленин подчеркивает высказывания Чернышевского из статьи «Не начало ли перемены?» о «перемене в обстоятельствах», о том, что в жизни каждого народа бывают моменты «энергических усилий, отважных решений», когда народные массы пробуждаются и делают решительные попытки к улучшению своей судьбы. Ленин отмечает мысль Чернышевского о преобразении народа в великие исторические моменты. Не встречает возражений Ленина и тезис Стеклова о понимании Чернышевским активности и роли масс. Он подчеркивает: «...когда задеты насущные интересы <...> масс — главным образом интересы экономические, особенно для них близкие <...>, — они способны приходить в движение и во всяком случае послужить опорой для сознательного меньшинства, склонного к решительной инициативе» (стр. 359—360, 368).

Отметим, что и в пометках на книге Плеханова Ленин также обращает внимание на подобные положения²⁰. Ленин считал, что именно глубокая вера в возможность крестьянской революции воодушевляла революционеров шестидесятых годов на героическую борьбу с самодержавием и побудила Чернышевского «активно вмешаться в ход событий» (стр. 383).

Стремиться к революции и делать все возможное для ее приближения — так характеризовал позицию Чернышевского в 1859—1861 гг. Николаев, слова которого приводит Стеклов, и Ленин подчеркивает это место (стр. 381).

Как известно, Ленин указывал, что своими произведениями Чернышевский воспитывал настоящих революционеров. В связи с этим следует сказать, что в пометках на книге Стеклова Ленин большое внимание уделил роману Чернышевского «Что делать?». Ленин высоко ценил это замечательное произведение.

«Я была удивлена, — вспоминает Н. К. Крупская, — как внимательно читал он этот роман и какие тончайшие штрихи, которые есть в этом романе, он отметил»²¹.

Ленин дал резкий отпор Валентинову, который в упоминаемой выше беседе назвал роман Чернышевского «бездарным, примитивным и претенциозным».

«Отдаете ли вы себе отчет, что говорите? — бросил Ленин Валентинову. — Как в голову может прийти чудовищная, нелепая мысль называть примитивным, бездарным произведение Чернышевского, самого большого и талантливого представителя социализма до Маркса? <...> Под его влиянием сотни людей делали революционерами <...>. Он, например, увлек моего брата, он увлек и меня. Он меня всего глубоко перепаял. Когда вы читали „Что делать?“? Его бесполезно читать, если молоко на губах не обсохло. Роман Чернышевского слишком сложен, полон мыслей, чтобы его понять и оценить в раннем возрасте. Я сам попробовал его читать, кажется, в 14 лет. Это было никуда не годное поверхностное чтение. А вот после казни брата, зная, что роман Чернышевского был одним из самых любимых его произведений, я взялся уже за настоящее чтение и просидел над ним не несколько дней, а неделю. Только тогда я понял его глубину. Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь».

В пометках на книге Стеклова Ленин обращает внимание на характеристику Чернышевским «новых людей», революционеров. Ленин подчеркивает слова: «С либералами они расходятся органически; они — пропагандисты новых демократических и социалистических идей» (стр. 362). Особенно интересует Ленина образ Рахметова, он отмечает, что в Рахметове соединялась беспощадная логика с жилкой настоящего революционного агитатора, и прослеживает указания о живых прототипах этого образа (как и образа Соколовского, выведенного Чернышевским в романе «Пролог»)»²².

Ленин подчеркивает замечательное высказывание Чернышевского о революцио-

нерах, приведенное Стекловым: «Мало их, — заключает Чернышевский свое описание Рахметова, — по ими расцветает жизнь всех; без них она заглохла бы, прокисла бы; мало их, но они дают всем людям дышать, без них люди задохнулись бы. Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней — тейн в чаю, букет в благородном вине; от них ее сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли» (стр. 365).

Ленин детально, можно сказать скрупулезно, отмечает факты практической революционной деятельности Чернышевского, прослеживает его революционные связи. Пожалуй, именно в этом отношении книга Стеклова дала Ленину новый материал, и пометки Ленина, относящиеся к этому вопросу, имеют большое значение.

Прежде всего очень важно отметить интерес Ленина к прокламации Чернышевского «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Ленин останавливается на указаниях Н. С. Русанова и М. К. Лемке о вероятном участии Чернышевского в составлении прокламации «Барским крестьянам...» (стр. 383, 389—390), и если Стеклов сомневается в принадлежности прокламации перу Чернышевского, то Ленин, судя по его пометкам, не разделял этой точки зрения. Он подчеркивает библиографическую ссылку Стеклова на книгу Лемке, в которой был напечатан текст прокламации, отмечает некоторые места в изложении Стекловым содержания прокламации (стр. 390—391). Заметим, что в настоящее время советские исследователи в своих работах, посвященных Чернышевскому, исходят из того, что этот замечательный документ принадлежит Чернышевскому и является важнейшим источником для характеристики политической программы и революционной тактики Чернышевского²³.

Говоря о пометках Ленина по вопросу о революционных связях Чернышевского, нужно прежде всего остановиться на характеристике Стекловым взаимоотношений Чернышевского и Герцена.

Стеклов занимал неправильную позицию, считая, что Герцен и Чернышевский в 1859 г. стояли на разных полюсах: «Чернышевский был представителем революционно-демократического течения общественной мысли, а Герцен тогда стоял еще на точке зрения просвещенного либерализма и даже не свободен был от некоторых надежд на либеральную бюрократию...» (стр. 349). Ленин обращает внимание на это положение, как и на слова Стеклова о том, что «Герцен органически не мог понять первого поколения русских революционных демократов» (стр. 351, а также стр. 365). Как известно, Ленин делал в своих статьях другой вывод. В работе «Памяти Герцена» Ленин писал: «Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич, представлявшие новое поколение революционеров-разночинцев, были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма к либерализму. Однако, справедливость требует сказать, что, при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх»²⁴. В то же время Ленин указывал, что Чернышевский сделал громадный шаг вперед против Герцена и был гораздо более последовательным и боевым демократом.

Положение Ленина о том, что при всех колебаниях Герцена демократ брал в нем верх, что Герцен находился в одном лагере с последовательной революционной демократией, нашло блестящее подтверждение в опубликованных в последние годы документах из «пражской» и «софийской» коллекций бумаг Герцена и Огарева²⁵, которые говорят о том, что в период революционной ситуации Герцен и Огарев, так же как и Чернышевский и Добролюбов, разрабатывали планы создания революционной организации, подготовки вооруженного восстания и вели практическую работу в этом направлении. Вопрос о взаимоотношениях Чернышевского и Герцена, их роли в революционном движении 1860-х годов недавно оживленно обсуждался в нашей исторической литературе²⁶. В настоящей статье нет возможности вдаваться в эту полемику, но следует сказать, что нельзя отрицать революционности позиции Герцена. Разумеется, между Чернышевским и Добролюбовым, с одной стороны, и лондонским центром в лице Герцена и Огарева, с другой, имелись серьезные разногласия как программного, так и особенно тактического порядка, и было бы неправильно их затушевывать. Чернышевский решительно выступал против либеральных колебаний и иллюзий Герцена, критиковал его ошибочные взгляды. Но это были разногласия между револю-

ционерami одного лагеря, споры по вопросам *революционной* программы и *революционной* тактики. Чернышевский и Герцен стремились координировать свою работу по созданию революционной организации и подготовке восстания, и вряд ли можно сомневаться, что во время лондонского свидания Чернышевского и Герцена в июне 1859 г., вопрос о котором заинтересовал и Ленина (стр. 349, 350), — речь шла не только о статье Герцена «Very dangerous!!!», но, главным образом, и об организации революционной работы²⁷.

Внимание Ленина останавливают также факты, касающиеся участия Чернышевского в обществе «Земля и воля» (стр. 384). Интересует Ленина и вопрос о том, был ли Чернышевский автором листка «Великорусс» (стр. 385—386)²⁸. Несомненно, что авторы «Великорусса» испытывали на себе могучее влияние революционных идей Чернышевского. Вполне возможно, что Чернышевский и Н. А. Серно-Соловьевич знали членов кружка «Великорусс» и старались вовлечь их в общую организацию.

Ряд пометок Ленина касается взаимоотношений между Чернышевским и московской организацией «Молодая Россия»: он отмечает приводимые Стекловым выдержки из воспоминаний Л. Ф. Пантелеева, А. А. Слепцова и других о «Молодой России» (стр. 387, 388). Не обходит Ленин и оценку Стекловым отношений Чернышевского и М. И. Михайлова (стр. 388, 389).

Ленин подчеркивает слова Стеклова о том, что Чернышевский живо интересовался всеми проявлениями начинавшегося тогда революционного движения, «о многих знал, а некоторыми даже идейно руководил» (стр. 389). В связи с этим у Ленина вызывает недоумение и возражение заявление Стеклова о том, что нельзя категорически ответить на вопрос о непосредственном участии Чернышевского в революционном движении, что вернее всего он в нем не участвовал; на полях книги в этом месте Ленин поставил два знака вопроса (стр. 391). Здесь же Ленин перечисляет приводимые Стекловым основные факты, которые говорят как раз об активном, непосредственном участии Чернышевского в революционном движении, — что 1) Чернышевский *знал о всех* существенных проявлениях тогдашнего революционного движения; что 2) непосредственные участники последнего *сообщались с ним* и 3) *считались с его* указаниями, 4) что, во всяком случае, они *почерпали* из бесед с ним и из его сочинений убеждение в необходимости практических попыток (выделено Лениным. — В. З.). Ленин подчеркивает и отчеркивает сбоку слова Стеклова, что все «это вряд ли подлежит сомнению» (стр. 391) и что «Чернышевский был идейным вождем и вдохновителем тогдашнего революционного движения» (стр. 392). Рядом с первым подчеркиванием Ленин ставит сверх того знак №.

Можно думать, что именно в связи с этим вопросом Ленин в статье «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция» дает свою, совершенно определенную формулировку — что Чернышевский стоял во главе немногочисленных тогда революционеров²⁹. Труды советских историков полностью подтверждают этот вывод Ленина. Несмотря на скудость документального материала о нелегальной революционной деятельности Чернышевского, объясняемую стремлением революционеров 60-х годов прошлого столетия к исключительной конспиративности, все шире раскрывается громадное влияние революционных идей Чернышевского на освободительное движение, борьба Чернышевского за консолидацию сил демократического лагеря в период революционной ситуации, за создание революционной организации и подготовку народного восстания.

Ряд пометок Ленина есть в главе «Арест, суд и ссылка Чернышевского». Он подчеркивает, что Чернышевский с осени 1861 г. состоял под неослабным полицейским надзором, отмечает приводимые Стекловым факты травли великого революционного демократа со стороны реакционной и либеральной прессы. Особенное возмущение Ленина вызывает гнусная роль либералов в этой кампании, анонимные письма к Чернышевскому и допросы, поступавшие в III Отделение (стр. 393, 394, 395, 396). Ленин подчеркивает слова Стеклова о том, что «и либералы в душе радовались гибели Чернышевского, глубоко презиравшего их и беспощадно разоблачавшего их истинную природу» (стр. 398); в частности, Ленин вновь обращает внимание на гнусное письмо Кавелина к Герцену (стр. 398), которое, нужно сказать, он еще в 1901 г. привел в статье

«Гонители земства и аннибалы либерализма»³⁰. Ленин с одобрением относится к словам Стеклова о ходе следствия и суда над Чернышевским: «В умственном и моральном отношении члены следственной комиссии, как видно, не уступали либералу Кавелину...» (стр. 400). Отмечая, что Чернышевский, в результате фальсифицированного процесса, был осужден на семь лет каторжной работы и на вечное поселение, Ленин подчеркивает ряд мест из приводимой в книге Стеклова статьи Герцена по поводу расправы царского правительства над Чернышевским (стр. 411).

В заключение несколько слов о пометках Ленина, связанных с вопросом о роли и месте Чернышевского в русском освободительном движении.

Стеклов не смог, в общем, показать историческое значение деятельности Чернышевского. «Скорбная и трагическая фигура могучего мыслителя, слишком далеко опередившего свое поколение, — писал Стеклов, — осталась одинокой и непонятой даже для тех, кто впоследствии продолжал в России его дело» (стр. 175). Поэтому он считал, что Русанов удачно назвал Чернышевского «Прометеем русской революции»; Ленин трижды подчеркнул слово «удачно», а на полях написал: «не совсем!» (стр. 35).

Касаясь вопроса о соотношении идей Чернышевского и народничества, Стеклов пишет, что в силу «каприза истории» Чернышевский, «этот объективист и материалист, сделался родоначальником народничества», что в своих статьях об общинном землевладении Чернышевский «развил все те аргументы, которые впоследствии составили арсенал народников, усвоивших букву, но не дух великого учителя», и Ленин отмечает эти положения (стр. 174—175, 369—370). Стеклов, как и Плеханов, не сумел решить вопроса о значении идейного наследия Чернышевского и его соотношении с мировоззрением народников. Этот вопрос был правильно решен только Лениным, который рассмотрел его в работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», в статье «От какого наследства мы отказываемся?», написанных задолго до чтения книг Стеклова и Плеханова, и в статьях «„Крестьянская реформа“ и пролетарски-крестьянская революция», «Памяти Герцена», «Из прошлого рабочей печати в России», написанных уже после того, как он ознакомился с этими книгами.

Ленин указывал, что родоначальниками народничества считают Герцена и Чернышевского³¹, что Чернышевский, вслед за Герценом, развил народнические взгляды³². При этом Ленин имел в виду то общее, что было в идеях Чернышевского и в мировоззрении народников: утверждение о самобытности путей развития России, о возможности миновать капитализм и перейти через крестьянскую общину к социализму. Но в то же время Ленин неоднократно подчеркивал, что этим далеко не исчерпывается данная проблема, что имеется и существенное различие между мировоззрением революционных демократов первой половины XIX в. и позднейшим народничеством. Главным в идейном наследстве Чернышевского являются отнюдь не указанные положения. Кроме того, Чернышевский развивал эти мысли в ту эпоху, когда еще не выявились резко противоречия капитализма и не выступил на историческую арену пролетариат, когда основной исторической задачей была борьба за полное уничтожение феодально-крепостнического строя; и в этой обстановке идеи об уравнительном землепользовании и т. п. объективно играли революционную роль, являлись в сущности формулировкой требований крестьян, борющихся за уничтожение помещичьего землевладения и власти помещиков. Идеи же позднейших народников развивались в другой обстановке, в период утверждения капитализма, и их учение о самобытности развития России, признание главной революционной силой не рабочего класса, а крестьянства и т. п.—эти идеи в новой обстановке чем дальше, тем больше играли реакционную роль. Но дело не только в этом. Основное содержание учения Чернышевского составляли революционный демократизм, борьба за народную революцию, за полное уничтожение феодально-крепостнических отношений. И вот от этих идей даже революционные народники, не говоря уже о либеральных, сделали шаг назад. Они, как указывал Ленин, отступили и в области теории, философии, и в области политики.

Ленин подчеркивал, что подлинным восприимчивым идейного наследия великих русских революционных демократов явилась революционная социал-демократия, и в этом смысле он называл Белинского, Герцена, Чернышевского предшественниками русской социал-демократии. Но, разумеется, революционная социал-демократия,

большевики критически подошли к этому идейному наследию, переработав его с точки зрения марксизма, научного социализма и усвоив лучшее в нем. Путеводной звездой в их борьбе стал марксизм, единственно научная теория, развитая и обогащенная великим Лениным.

Оценивая роль Чернышевского в освободительном движении в России, Ленин указывал, что именно революционеры 1860-х годов, хотя они и потерпели, по-видимому, поражение, так как революционная ситуация не переросла в революцию — именно Чернышевский и его соратники были великими деятелями своей эпохи. Отмена крепостного права и другие реформы 1860-х годов стали возможны только в результате революционного движения той эпохи, вождем которого был Чернышевский.

«Либералы 1860-х годов и Чернышевский, — писал Ленин в 1911 г., — суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию»³³.

Силы демократии и социализма, смешанные сначала воедино в утопической идеологии и борьбе революционных демократов 1850—1860-х годов и революционных народников 1870—1880-х годов, начали с 1890-х годов расходиться по мере перехода к борьбе революционных классов, и размежевались друг от друга.

Пролетариат организовался и выступил самостоятельно как последовательный революционный класс, во главе со своей партией. Крестьянство явилось могучим революционным союзником пролетариата, который сплотил крестьянство и руководил его борьбой. И в этом смысле можно сказать, что Чернышевский, великий революционный демократ, был союзником большевиков в их борьбе за победу народной революции, за свержение царизма и установление демократической республики, за полное уничтожение феодально-крепостнических пережитков.

Воплощены в жизнь и мечты Чернышевского о социализме в России, но, конечно, не путем крестьянской революции и не через крестьянскую общину, а в результате Великой Октябрьской социалистической революции, совершенной рабочим классом в союзе с трудящимся крестьянством под руководством партии коммунистов, под всепобеждающим знаменем марксизма-ленинизма.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «Старый большевик», 1933, № 5; 1934, № 3.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 36, стр. 144.

³ На титульном листе указан 1910 г., но в действительности книга вышла в 1909 г. (см. «Книжная летопись», 1909, № 42, от 31 октября, стр. 18, № 21673).

⁴ Пометки Ленина на книге Плеханова опубликованы в XXV «Ленинском сборнике». М., 1934.

⁵ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 36, стр. 130.

⁶ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, вып. 1. М.—Л., 1930, стр. 172—177.

⁷ Извлечения из записи беседы, сделанной В. В. Воровским, приведены в статье Н. Валентинова «Чернышевский и Ленин» («Новый журнал», Нью-Йорк, 1951, кн. XXVI и XXVII) и в его книге «Встреча с Лениным». Нью-Йорк, изд-во им. Чехова, 1953 (см. «Вопросы литературы», 1957, № 8, стр. 126—134). Статья и книга Н. Валентинова, бывшего меньшевика, затем контрреволюционера и эмигранта, представляют собой по существу пасквиль и на Чернышевского и на Ленина. Он извращает труды и учение Ленина, обливает его грязью, делает грубые выпады против советского строя и против Коммунистической партии. Толкуя вкривь и вкось воспоминания Воровского, Валентинов фальсифицирует взгляды Чернышевского; он заявляет, что взгляды Ленина не отличались от позиции Чернышевского. Но извлечения из записи Воровского, приведенные в книге Н. Валентинова, представляют большой интерес. Некоторый материал об этой беседе, в частности об отношении Ленина к роману Чернышевского «Что делать?», дается и Валентиновым.

⁸ «Ленинский сборник», XXV, стр. 231.

⁹ Считая важным вскрыть буржуазно-помещичью природу русского либерализма, Ленин отмечает ошибочность одного высказывания Стеклова, утверждавшего, что либералы преследуют «чисто буржуазные интересы» (стр. 345).

¹⁰ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 17, стр. 96.

¹¹ Там же, т. 20, стр. 224.

¹² «Ленинский сборник», XXV, стр. 228.

¹³ «Старый большевик», 1933, № 5, стр. 86—87.

¹⁴ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. IV, 1958, стр. 302—303.

¹⁵ Следует отметить, что Лепешинский неправильно комментировал это замечание Ленина. «Можно думать, — пишет он, — что взгляд Чернышевского на возможную победу крестьянской революции, которая водворит в стране режим „трудовой республики“ (нечто вроде того, что могло бы быть в результате революции 1905 на известном ее этапе, — по намеку Стеклова), является вполне приемлемым с точки зрения Ленина. Но мысль о дальнейшем затем *постепенном переходе* от буржуазно-демократической республики к социалистическому обществу (к „коллективному земледелию“), переходе без революционных взрывов, без кровавой борьбы эксплуатируемых с эксплуататорами, без революционной ломки старой государственной машины, — эта мысль могла быть подсказана Чернышевскому его мелкобуржуазными предрассудками» («Старый большевик», 1933, № 5, стр. 89). В действительности же Чернышевский не различал буржуазно-демократическую и социалистическую революцию, а считал возможным прямым переход от самодержавно-крепостнического строя к социализму и исходил из того, что этот переход невозможен без революции. Возражение Ленина встречает не надежда Чернышевского на мирный переход к социализму (на это он не надеялся), а именно идея Чернышевского о переходе к социализму через крестьянскую общину.

¹⁶ Нельзя согласиться с мнением П. Н. Лепешинского о том, что Чернышевский вскоре же после своих первых увлечений общиной перешел к полосу скептицизма и разочарования в своих надеждах на нее. Чернышевский никогда не оставлял идеи о возможности перехода к социализму через крестьянскую общину.

¹⁷ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 17, стр. 97.

¹⁸ Там же.

¹⁹ В книге Плеханова Ленин также подчеркивает мысли Чернышевского о необходимости направить свои усилия на коренную переделку общественных отношений; отмечает критику Чернышевским либералов, которые предлагали паллиативы там, где нужно было радикальное решение, воображали, что система истинно конституционного правления водворится у них сама собой, без борьбы со старым порядком («Ленинский сборник», XXV, стр. 233, 234).

²⁰ Ср. пометки Ленина на книге Плеханова («Ленинский сборник», XXV, стр. 226, 235, 236).

²¹ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М.—Л., 1930, стр. 178—179.

²² Ср. пометки Ленина на книге Плеханова («Ленинский сборник», XXV, стр. 214).

²³ Авторство Чернышевского по отношению к прокламации «Варским крестьянам...», а также то, что она написана до реформы, было убедительно доказано в статье М. В. Нечкиной «Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации» («Исторические записки», 1941, т. 10).

²⁴ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 18, стр. 12.

²⁵ «Лит. наследство», т. 61, 1953; т. 62, 1955; т. 63, 1956.

²⁶ См. М. В. Нечкина. Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации. — «Исторические записки», 1941, т. 10; Р. А. Таубин. К вопросу о роли Н. Г. Чернышевского в создании «революционной партии» в конце 50-х — начале 60-х годов XIX века. — «Исторические записки», 1952, т. 39; М. В. Нечкина. Новые материалы о революционной ситуации в России (1859—1861 гг.). — «Лит. наследство», т. 61, 1953; М. В. Нечкина. Н. Г. Чернышевский в борьбе за сплочение сил русского демократического движения в годы революционной ситуации (1859—1861). — «Вопросы истории», 1953, № 7; Ф. М. Бурлацкий. Политические взгляды Н. А. Добролюбова. М., 1954; Я. И. Линков. Проблема революционной партии в России в эпоху падения крепостного права. — «Вопросы истории», 1957, № 9; М. В. Нечкина. «Земля и воля» 1860-х годов. — «История СССР», 1957, № 1 и др.

²⁷ М. В. Нечкина. Н. Г. Чернышевский и А. И. Герцен в годы революционной ситуации (1859—1861 гг.). — «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», т. XIII, вып. 1, 1954; Я. И. Линков. Роль Герцена и Огарева в создании и деятельности общества «Земля и воля». — «Вопросы истории», 1954, № 3 и др.

²⁸ В книге Плеханова о Чернышевском Ленин также отмечает следующее положение автора: «Мы вполне согласны с г. Стахевичем: своим языком и содержанием „Великорусс“ в самом деле очень напоминает публицистические статьи Чернышевского» («Ленинский сборник», XXV, стр. 208—209).

²⁹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 17, стр. 96.

³⁰ Там же, т. 5, стр. 29—30.

³¹ Там же, т. 18, стр. 490.

³² Там же, т. 20, стр. 224.

³³ Там же, т. 17, стр. 96.